

IV
K-118

31890

06 423. і.м. Шевченка 659 переклад 197

№ 423.

10 к.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Иванъ Франко. 485

КЪ СВѢТУ!

НА ПРОМЫСЛАХЪ.

Переводъ съ украинскаго
Г. Войташевскаго и М. Новиковой.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ПОЛЬЗА“
В. АНТИКЪ и К^о.
МОСКВА.

Русскій отдѣлъ.

501. Толстой. Смерть Ивана Ильича. Хозяинъ и работникъ. 502. Толстой. Крейцера Соната. 503. Толстой. Власть тьмы. 504. Толстой. Плоды просвѣщенія. 505. Толстой. Корней Васильевъ и др. 506-7. Къ волѣ. Крѣпостное право въ народной поэзіи. Составилъ Н. Л. Бродскій. 508-9. Рабство и воля. Крѣпостное право и крестьянскій бытъ въ русской литературѣ. Составили И. Розановъ и Н. Сидоровъ. 510. Толстой. Легенды и рассказы. 511. Толстой. Первый винокуръ и др. 512. Гоголь. Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. Ч. I. 513. Гоголь. Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. Ч. II. 514. Карамзинъ. Бѣдная Лиза. Наталья боярская дочь. Марфа Посадница. 515-16. Аксаковъ. Семейная хроника. 517. Толстой. Чѣмъ люди живы и др.	518. Пушкинъ. Капитанская Исторія села Горюхина. 519. Пушкинъ. Повѣсти Бѣлинскій. 520. Пушкинъ. Пиковая дама Петра В. Египетскія ночи. 521-24. Толстой. Воскресеніе. 525-26. Бѣлинскій. Статьи о нѣ. I—IV. 527-29. Бѣлинскій. Статьи о нѣ. V—XI. 530-31. Лермонтовъ. Кн. Ли Герой нашего времени. 532. Лермонтовъ. Вадимъ. 533. Толстой. Трисмерти. Пол 534-36. Аксаковъ. Дѣтскіе грова-внука. 537. Воейковъ. Домъ сумасше 538. Фонвизинъ. Бригадиръ росль. 539. Гоголь. Тарасъ Бульба и 540. Гоголь. Вій и др. 541-3. Квитка-Основьяненко Халаявскій.

Отдѣлъ для юношества.

451-54. Мало. Въ семьѣ. 455-56. Уйда. Деревянные башмачки. 457-58. Киплингъ. Книга Джунглей.	459-61. Амичисъ. Дневникъ нѣка.

Справочный отдѣлъ.

- 601-4. Французско-русскій карманный словарь съ приложеніями краткой французской грамматики, произношенія и орфографіи французскаго и французскаго словообразованія. Сост. Н. Бронштейнъ и О. Р.

ИВАНЪ ФРАНКО.

КЪ СВѢТУ!

НА ПРОМЫСЛАХЪ.

Переводъ съ украинскаго

Г. ВОЙТАШЕВСКАГО и М. НОВИКОВОЙ.

19780

МОСКВА.

Книгоиздательство «ПОЛЬЗА»

В. Антикъ и К^о.

3p.

ЛВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА
АН УРСР
№ 31890

IV
K-118-1161

Типографія Русскаго Товарищества. Москва.

Телефонъ 18-35.

14017

8(с) У. 18 (092 Франко)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Имя Ивана Франко извѣстно каждому грамотному украинцу какъ въ Галиціи, такъ и у насъ, въ Россіи. Онъ по справедливости можетъ считаться однимъ изъ самыхъ талантливыхъ современныхъ украинскихъ писателей. Своей многолѣтней литературной, научной и публицистической дѣятельностью онъ пріобрѣлъ себѣ европейскую извѣстность. Родился Ив. Франко въ 1856 году, въ с. Нагуевичахъ, Дрогобуцкаго уѣзда, въ Галиціи. Отецъ его, простой крестьянинъ, отличался открытымъ характеромъ, глубоко поэтической душой и гостепріимствомъ, за что пользовался всеобщей симпатіей своихъ односельчанъ. Эти благородныя качества Яця Франко унаслѣдовалъ отъ него и сынъ. Понимая, какое значеніе имѣетъ въ жизни знаніе, наука, Яць Франко, не жалѣя своихъ скудныхъ средствъ, старался дать сыну возможно лучшее образованіе.

Первоначальное обученіе Ив. Франко, когда ему было всего лишь 6 лѣтъ, началось въ сельской школѣ. Здѣсь онъ за два года научился читать и писать по-украински, по-русски и по-нѣмецки, — нѣмецкій языкъ былъ въ то время обязательнымъ, такъ какъ школа въ Галиціи до 1868 года усиленно германизировалась, какъ теперь не менѣе старательно полонизируется.

Не радостно воспоминаетъ объ этихъ первыхъ годахъ своего ученія Ив. Франко, но еще бо-

лѣе тягостныя воспоминанія остались у него о драгобущкой нормальной школѣ отцовъ Базиліанъ, которую онъ посѣщалъ въ теченіе слѣдующихъ четырехъ лѣтъ. Гимназическіе годы Франко также не были свѣтлымъ пятномъ на темномъ фонѣ тогдашней невеселой школьной дѣйствительности.

А насколько ненормальной и дикой была тогдашняя галиційская школа, ясно видимъ изъ рассказовъ Ив. Франко изъ его школьных годовъ. Почти всѣ эти рассказы имѣютъ автобіографическій характеръ. Дикое издѣвательство надъ личностью дѣтей, постоянное битье линейками и розгами, полное невѣжество въ наукѣ и безсовѣстное взяточничество господъ „педагоговъ“ — вотъ печальная школьная дѣйствительность. Достаточно только прочесть рассказы „Оловець“, „Отець Гумористъ“, „Schön Schreiben“, чтобы понять, какимъ ужасомъ вѣяло отъ этой дѣйствительности.

Но всѣ эти ужасы дореформенной школы не могли убить въ молодомъ Франко его любви къ наукѣ, къ книгѣ; то, чего не могла дать ему школа, онъ пріобрѣтаетъ собственными усиліями, путемъ самообразованія. Не довольствуясь скуднымъ запасомъ школьных бібліотекъ, онъ тратитъ всѣ свои сбереженія на покупку книгъ и журналовъ, и къ концу гимназическаго ученія у него составляетъ уже порядочная собственная бібліотека. Онъ основательно знакомится не только съ родной украинской литературой, но также и съ русской, польской и иностранной. Знаніе иностранныхъ языковъ даетъ ему возможность читать въ оригиналахъ лучшія произведенія европейскихъ классиковъ.

Изъ него вырабатывается знатокъ и тонкій цѣнитель изящной литературы.

Вѣроятно, подъ вліяніемъ классическихъ образцовъ, у него очень рано пробуждается же-

ланіе попробовать свои собственные силы на литературномъ поприщѣ. Еще въ гимназическіе годы ему удалось напечатать нѣсколько своихъ стихотвореній, а пріѣхавъ во Львовъ въ 1875 году для поступленія въ университетъ, онъ привезъ съ собой массу стиховъ, рассказовъ, переводовъ и пр.

Попавъ во Львовъ, столицу края, Ив. Франко цѣликомъ посвящаетъ себя литературѣ, не переставая въ то же время путемъ самообразованія пополнять свои знанія во всѣхъ отрасляхъ науки. Университетскимъ занятіямъ онъ удѣляетъ сравнительно мало времени и потому не получаетъ обычной ученой степени. Только спустя много лѣтъ, въ 90-хъ годахъ, онъ получаетъ докторскую степень для того, чтобы имѣть право поставить свою кандидатуру въ качествѣ профессора по кафедрѣ украинскаго языка и словесности во львовскомъ университетѣ. И несмотря на то, что въ это время онъ уже имѣлъ за собой многолѣтнюю литературную и научную дѣятельность, заслуживъ себѣ, какъ писатель и ученый, всеобщее признаніе, несмотря на все это, кафедры ему не удалось занять только потому, что этого не захотѣла шовинистически настроенная польская профессура, въ рукахъ которой находится фактическое распоряженіе университетомъ.

При иныхъ, лучшихъ условіяхъ, будь Франко членомъ независимой свободной націи, онъ, быть-можетъ, достигъ бы наивысшихъ ученыхъ степеней, былъ бы признанъ официальными научными учрежденіями и имѣлъ бы обезпеченное матеріальное существованіе, что дало бы ему возможность свободно отдаться родной литературѣ и наукѣ. Но, подавленный тяжелыми политическими условіями, онъ послѣ многолѣтнихъ трудовъ для общаго блага, признанный и уважаемый всѣми, остается непризнан-

нымъ официальной наукой, терпитъ нужду и всю свою жизнь борется съ матеріальной не-обезпеченностью.

А какимъ неутомимымъ работникомъ былъ Ив. Франко на поприщѣ родной литературы и науки, видно хотя бы по одному перечню его литературныхъ трудовъ. Въ день 25-лѣтняго юбилея писателя, въ 1899 году, его почитатели поднесли ему большой томъ въ 250 страницъ, содержащій въ себѣ перечень только однихъ названій его произведеній и тѣхъ изданій, въ которыхъ онѣ печатались.

Литературный талантъ Ив. Франко необыкновенно разнообразенъ. Онъ пишетъ стихи, поэмы, рассказы, драмы, комедіи, переводитъ иностранныхъ классиковъ *), критическія и публицистическія статьи, научныя изслѣдованія по исторіи украинской литературы и языка, по славянской филологіи и многое другое.

Но горячая, пылкая натура писателя не удовлетворяется сферой одного чистаго искусства. Вышедшій изъ самыхъ глубинъ народа, проведеншій все свое дѣтство среди бѣднаго, обездоленнаго люда, онъ не могъ не видѣть, не чувствовать его боли и страданій. Очень рано берется онъ за серьезное изученіе экономическихъ и социальныхъ наукъ, интересуется политикой. А такъ какъ вся политическая жизнь Галиціи находилась, да и теперь еще въ значительной мѣрѣ находится, въ рукахъ реакціонной, эксплуататорской польской шляхты, то естественно, что каждый общественный, а тѣмъ болѣе украинскій политическій дѣятель, встающій въ защиту интересовъ трудящихся классовъ, очень быстро испытываетъ на себѣ тяже-

---

*) Между прочимъ, онъ перевелъ на укр. языкъ „Русскихъ женщинъ“ Некрасова, „Мертвыя души“ Гоголя, нѣкоторыя произведенія Щедрина и Достоевскаго.

лый гнетъ ихъ господства. Будучи однимъ изъ основателей и вождей украинской радикальной партіи въ Галиціи, Ив. Франко три раза попадаетъ въ тюрьму, гдѣ терпитъ невѣроятныя мученія. Ужасные тюремные порядки и звѣрское обхожденіе съ заключенными описалъ онъ въ своихъ произведеніяхъ „Панталаха“, „На дні“, „До свѣтла“ и др. Но тюрьма не пугаетъ Франко, и онъ не устранился отъ политической жизни. Своей неутомимой и плодотворной общественной дѣятельностью онъ пріобрѣтаетъ любовь и довѣріе народныхъ массъ—его избираютъ депутатомъ австрійскаго парламента, но въ избирательной комиссіи политическіе противники безсовѣстно воруютъ у него голоса, и при подсчетѣ онъ оказывается забаллотированнымъ.

Лишенный возможности защищать народные интересы съ парламентской трибуны, онъ съ тѣмъ большей энергіей отдается литературной и публицистической дѣятельности. Его горячія, полныя воодушевленія и пыла публицистическіе статьи и памфлеты появляются не только на страницахъ украинскихъ, но также и многихъ заграничныхъ изданій. Онъ сотрудничаетъ въ украинскихъ изданіяхъ „Діло“, „Литературно-Наук. Вістникъ“; въ русскихъ—„Сѣверный Курьеръ“, „Кіевская Старина“; въ польскихъ—„Głos“, „Kurjer Lwowski“, „Praca“, „Prawda“; въ чешскомъ — „Slovanski Prehled“; въ нѣмецкихъ — „Die Zeit“, „Neue Freie Presse“, „Arbeiter Zeitung“ и др. Такъ проявляется общественно-политическая дѣятельность писателя.

Да и, кромѣ этого, почти каждое его литературное произведеніе является одновременно и проявленіемъ общественной дѣятельности. Въ своихъ произведеніяхъ онъ всегда выступаетъ въ защиту униженныхъ и оскорбленныхъ. Хорошо зная условія жизни и быть своего

народа, онъ болѣетъ надъ долей бѣднаго, темнаго и безпомощнаго украинскаго хлѣбопашца („Наверненный гришнык“, „Яць Зелепуга“ и др.), эксплуатируемаго и беззащитнаго рабочаго („Бориславскі оповидання“), преслѣдуемаго, голоднаго народнаго учителя („Учитель“). Выступаетъ въ защиту женской эмансипаціи („Маніпулянтка“), страдаетъ за поруганную и оскорбленную въ своемъ человѣческомъ достоинствѣ проститутку („Чи вдурила?“), съ необыкновенной силой передаетъ страданія несчастной жертвы обманутой любви („Сойчине крило“) и т. д.

Обиженные, эксплуатируемые и угнетаемые — вотъ герои большинства его стиховъ, драмъ, рассказовъ и повѣстей. Ихъ образы, ихъ жизнь и страданія, описанныя ярко, правдиво и высоко-художественно, пробуждаютъ въ сердцѣ читателя чувства глубокой симпатіи и любви къ этимъ несчастнымъ, будятъ умъ и вызываютъ горячій протестъ противъ всякаго насилія, эксплуатаціи, противъ всякой неправды.

Отстаивая въ своихъ произведеніяхъ высокіе идеалы человѣчества, протестуя противъ всякой неправды и рассказывая всѣ ненормальныя стороны жизни, — Ив. Франко вмѣстѣ съ тѣмъ не перестаетъ быть истиннымъ художникомъ, и его произведенія являются образцомъ высокаго художественнаго творчества.

Г. В.

Мат Франко:

изъ разсказа

“ КЪ СВѢТУ! ”

~~Разсказъ арестанта,~~

ст. украинск.

переводъ ст. украинск.

Ученые естествоиспытатели говорятъ, что слои воды, лежащiе въ самыхъ большихъ морскихъ глубинахъ, представляютъ собою настоящую „мертвую воду“. Громадный столбъ верхнихъ слоевъ, давящiй на каждую частицу нижнихъ, лишаетъ ихъ всякой жизни. Свѣтъ солнца сюда не доходитъ, никакiя живыя существа здѣсь не водятся, никакiя водныя теченiя, ни бури, ни землетрясенiя не отзываются здѣсь даже слабымъ эхомъ. Единственное движенiе, какое здѣсь можно замѣтить, это вѣчное и неустанное паденiе миллионовъ труповъ и скелетовъ живыхъ существъ, которыя раньше когда-то жили и гуляли тамъ, вверху, красовались на солнцѣ, купались въ теплѣ, качались на могучихъ морскихъ волнахъ. Погибнувъ, они медленно, медленно опускаются внизъ—особенно крошечныя фораминиферы, диатомеи и прочая мелюзга, составляющая главную массу морской жизни; медленно продираются ихъ трупы сквозь все болѣе густыя и богатые кислородомъ и угольной кислотой слои, разлагаются, какъ бы сгораютъ въ нихъ и только со временемъ, въ видѣ микроскопическихъ шариковъ и частичекъ, достигаютъ дна и ложатся на этомъ большомъ кладбищѣ, чтобы когда-нибудь, черезъ тысячи лѣтъ, образовать мѣловую скалу.

М. Франко найболше видаютисѣ украинск.

Тяжело и грустно должно быть этимъ нижнимъ слоямъ воды вѣчно цѣпенѣть и стынуть на мертвомъ днѣ, въ страшной тѣмѣ, подѣ неслыханнымъ давленіемъ, среди однихъ труповъ. Тяжело и грустно имъ, особенно когда въ нихъ незамѣтно пробудится та вѣчная, неумирающая сила, безъ которой нѣтъ ни одного атома въ природѣ. Живая, неумирающая сила внутри, а вокругъ—тьма, страшное давленіе и безконечное кладбище! И если въ этихъ несчастныхъ, осужденныхъ на вѣчную смерть атомахъ зашевелится иногда, разъ въ тысячу лѣтъ, слабый отблескъ мысли—вы думаете, что это невозможно? вѣдь и нашъ мыслящій мозгъ, что же онъ, какъ не соединеніе тѣхъ самыхъ атомовъ кислорода, углерода и другихъ элементовъ?—то горька, тяжела должна быть эта мысль, эта мечта.

— Мать - природа! За что же ты такъ несправедлива къ намъ? Неужели мы хуже тѣхъ, которые тамъ, вверху, гуляютъ надъ нами, качаются и красуются въ чудномъ свѣтѣ? И почему бы тебѣ не установить очереди, почему бы не пустить насъ хоть на минуту туда, наверхъ?

Но мать-природа не знаетъ сантиментальности и не слушаетъ фантазій.

— Стану я съ вами, глупыши, нянчиться!—ворчитъ она.—Чувствуете въ себѣ силу,—ну, и пытайтесь сами вырваться наверхъ! Мало у меня работы, чтобы васъ еще подсаживать!

— Да, сами пытайтесь вырваться...

Вамъ не случалось видѣть подобнаго явленія въ человѣческой жизни? Охъ, случалось, милые мои, кому не случалось видѣть это?! И отъ каждаго такого случая щемило ваше сердце и до сихъ поръ щемитъ, когда вы мысленно попытаетесь перенестись въ положеніе этихъ бѣдныхъ живыхъ атомовъ человѣческаго общества, осужденныхъ завистливой судьбой на вѣчную тьму, на тушую неподвижность, на безвѣстную смерть. Вѣдь

и всё мы—развѣ не такой же нижній слой между народами? Развѣ каждое сильное, здоровое движеніе этихъ свободныхъ и счастливыхъ народовъ не отзывается болью, напоромъ, толчками на нашемъ народномъ организмѣ?

А каждый изъ васъ, кто зачастую цѣной невѣроятнаго усилія, цѣной не одной жизни самыхъ близкихъ намъ людей выбился изъ этихъ темныхъ низовъ общества хоть на немного болѣе высокую ступень, развѣ не почувствуетъ невольнаго ужаса и боли при одной мысли объ этихъ низахъ и о томъ, что, не будь того или иного счастливаго обстоятельства, онъ, можетъ быть, и донинѣ пропалъ бы тамъ, темный, безпомощный, никому неизвѣстный, не человекъ, а частица людской массы? И развѣ не заболитъ наше сердце при воспоминаніи о тысячахъ и тысячахъ тѣхъ, кто такъ же, какъ и мы, старались вырваться изъ тьмы, тосковали о свѣтѣ, рвались къ свободѣ и теплу—и все напрасно? И развѣ не пройметъ насъ дрожь, когда вспомнимъ о жизни и концѣ такихъ никому не извѣстныхъ, забытыхъ, нерѣдко затоптанныхъ и оплеванныхъ единицъ, когда намъ станетъ ясно, что нерѣдко лишь самое глупое въ мірѣ обстоятельство, слѣпой случай, недоразумѣніе, шутка, неосторожное слово, одна пылинка столкнула ихъ съ пути и навсегда отбросила назалъ въ ту тьму, изъ которой они уже вотъ-вотъ было выбрались на вольную волю?

Такія мысли сверлили мой мозгъ и гнали сонъ отъ глазъ моихъ во время долгихъ, долгихъ ночей и дней, прожитыхъ въ тюрьмѣ. Мои товарищи по несчастью, у которыхъ также тяжело было на душѣ, не могли найти для меня слова утѣшенія; наоборотъ, я видѣлъ, что сами они часто гораздо больше нуждаются въ такомъ цѣлительномъ словѣ. Чтобы не одурѣть среди этой сутолоки горя, мы разговаривали, рассказывали другъ другу—не про себя, а про другихъ, дале-

кихъ—и все-таки про горе. Одинъ изъ такихъ разсказовъ, глубже другихъ поразившій меня, предлагаю я здѣсь читателямъ. Разсказывавшій мнѣ—не говорю о его „занятіи“—былъ еще молодой парень, полный силы и отваги, не лишенный искренняго человѣческаго чувства, воспитанный по-городскому,—онъ окончилъ городское училище, учился ремеслу, словомъ, также немало силъ и средствъ потратилъ, чтобы выкарабкаться наверхъ, выйти въ люди—ну, а вышелъ... Да не объ этомъ рѣчь.

Шестой разъ уже сидѣлъ онъ подъ замкомъ и зналъ всю арестантскую практику. Чуть ли не всю исторію каждой камеры: кто въ ней сидѣлъ, за что, на сколько былъ осужденъ, какъ обходился съ арестантами раньше, какъ теперь и т. д. Это была настоящая арестантская лѣтопись. Надзиратели считали его отчаяннымъ буяномъ и давали ему чувствовать это частыми дисциплинарными взысканіями. Но онъ не унимался и воспламенялся, точно порохъ, лишь только замѣчалъ, что что-нибудь дѣлается не такъ, какъ должно, что чѣмъ-нибудь обижаютъ арестантовъ. Особенно часто были у него стычки съ часовымъ, ходившимъ подъ окнами тюрьмы и слѣдившимъ за тѣмъ, чтобы арестанты не выглядывали въ окна и не разговаривали другъ съ другомъ. Нѣсколько разъ солдатъ грозилъ, что будетъ стрѣлять, если онъ не сойдетъ съ окна, но онъ сидѣлъ спокойно, не говоря ни слова, и только, когда солдатъ начиналъ щелкать куркомъ, соскакивалъ съ окна и кричалъ:

— Ну, ну, вѣдь же знаю, что ты не посмѣешь стрѣлять!

— А откуда вы это знаете? — спросилъ я однажды.

— Какъ это—откуда знаю? Самъ былъ свидѣтелемъ, самъ видѣлъ!

— Что видѣли?

— Э, да это цѣлая исторія, послѣ которой часовымъ запретили стрѣлять. Вотъ лучше я расскажу вамъ, — пусть бѣдный рекрутъ не волнуется. Вѣдь и онъ, бѣдняга — что прикажутъ ему, то и долженъ дѣлать.

II.

— Два года тому будетъ, — началъ онъ, — какъ разъ вотъ теперь два года. Сидѣлъ я тогда въ этой ямѣ подъ слѣдствіемъ. Двое насъ только и было въ камерѣ. Я и какой-то панокъ, по фамилии Журковскій. Кто онъ былъ и за что сюда попалъ, этого ужъ и не помню.

И вотъ какъ-то вечеромъ, послѣ вечерней повѣрки, мы уже раздѣлись и легли спать — неожиданно слышимъ шаги надзирателя и громкій визгъ ключей въ замкахъ. Наконецъ, отперъ и, впустивъ въ камеру снопъ желтаго свѣта отъ своего фонаря, показалъ намъ въ этомъ свѣтѣ какую-то скорченную, полунагую, тщедушную фигурку.

— Вотъ тебѣ простыня и одѣяло, — крикнулъ онъ, бросая эти вещи на голову фигуркѣ и пригибая ее чуть не до земли. — Ложись да спи! Посуду получишь завтра.

Сказавъ это, надзиратель заперъ дверь и ушелъ. Въ камерѣ стало темно, какъ въ погребѣ, и тихо, какъ въ гробу. Только время отъ времени слышимъ, точно кто мясо рубить на доскѣ — это нашъ товарищъ зубами стучить. Видите ли, была уже поздняя осень, двѣ недѣли прошло послѣ Всѣхъ Святыхъ, холодъ такой, что не дай Господи.

— Кто ты такой? — спрашиваю я окоченѣвшаго товарища, не вставая съ постели. Я уже согрѣлся и не хотѣлъ вставать, въ камерѣ было довольно — таки холодно, такъ какъ окно должно было быть открыто для вентиляціи днемъ и ночью.

Товарищъ нашъ молчитъ, только еще сильнѣе стучить зубами, и сквозь это ляцканье слышно отрывистое всхлипываніе. Жаль мнѣ стало парня,

я уже догадался, что это какой-то совсѣмъ еще зеленый „фраеръ“ ¹⁾. Поэтому я всталъ и ошупью постелилъ ему.

— Ну, ну,—говорю,—перестань, не плачь! Раздѣнься да ложись спать.

— Не.. не... мо... гу,—едва выговорилъ онъ.

— Почему?

— По... по... тому... что... о... очень прозябъ.

Господи! Я къ нему, а онъ весь закованный: ни рукой, ни ногой двинуть не можетъ. Не понимаю, какимъ чудомъ дошелъ онъ до камеры. Всталъ и Журковскій, снимали мы съ него лохмотья, раздѣли его совершенно до нага, растерли хорошенько, завернули въ простыню и одѣяло и уложили въ кровать. Черезъ какіе-нибудь полчаса—слышу—вздыхаетъ, двигается.

— Ну что, лучше тебѣ?—спрашиваю.

— Лучше.

— Отошли руки, ноги?

— Еще не совсѣмъ, но уже лучше.

— А откуда ты?

— Изъ Смерикова.

— Такъ тебя, вѣрно, жандармъ привелъ?

— А то кто же? Гналъ меня сегодня съ самаго утра чуть не голаго и босикомъ по морозу. Десять разъ падалъ я по дорогѣ, не могъ встать. Билъ онъ меня ремнемъ — приходилось встать... Только въ корчмѣ въ Збоискахъ мы немного передохнули, еврей далъ мнѣ водки.

— А какъ же тебя зовутъ?

— Йоська Штернъ.

— А! такъ ты еврей?

— А какъ же, еврей!

— Чортъ тебя возьми! Хоть убей меня, не могъ бы по разговору узнать, что ты еврей, такъ чисто говоришь по-нашему.

¹⁾ На воровскомъ жаргонѣ—новичокъ.

— Что же, я выросъ на селѣ, среди крестьянъ. Я былъ пастухомъ.

— А сколько тебѣ лѣтъ?

— Шестнадцать.

— А за что же это тебя притащили сюда въ тюрьму?

— Ой, не знаю! жандармъ говорилъ, что мой хозяинъ обвиняетъ меня за кражу со взломомъ, а я, ей-Богу, ничего не кралъ. Только свои бумаги, ей-Богу, только свои бумаги!

И онъ началъ всхлипывать и плакать, какъ ребенокъ.

— Ну, ну, глупый, не плачь,—говорю,—скажешь это все завтра судѣ, а меня это совсѣмъ не касается. А теперь спи.

— Ой, а жандармъ говорилъ, что меня за это повѣсятъ!—голосилъ Йоська.

— Что ты снятилъ, глупый? — крикнулъ я. — Чепуха! Гдѣ это ты слышалъ, чтобы за такіе пустяки вѣшали?

— А хозяинъ мой говорилъ, что меня засадятъ на десять лѣтъ въ тюрьму.

— Ну, ну, не горюй,—говорю,—Богъ милостивъ, какъ-нибудь обойдется. А сейчасъ спи, завтра днемъ поговоримъ.

Мы умолили, и я скоро захрапѣлъ. Только и хорошо въ тюрьмѣ, что сплю, какъ заяцъ въ капустѣ.

III.

Лишь на другой день могли мы хорошо рассмотреть новичка. Мнѣ даже смѣшно сдѣлалось, что я вчера сразу не могъ узнать въ немъ еврея: рыжий, съ пейсами, носъ крючкомъ, какъ у старого ястреба, сгорбленная, хоть для своихъ лѣтъ не тщедушная фигура порядочнаго роста. А вчера, когда мы въ темнотѣ натирали его и слышали только его голосъ, никакъ нельзя было догадаться, что онъ еврей.

Онъ тоже со страхомъ сталъ озираться по камерѣ, какъ испуганная бѣлка. Вскочилъ, когда мы оба съ Журковскимъ еще лежали, умылся, убралъ свою постель и сѣлъ на ней въ углу, и ужъ не пикнетъ, какъ заколдованный.

— Голоденъ?—спрашиваю его.

Молчитъ, только какъ - то еще больше скорчился.

— Ълъ что-нибудь вчера?—спрашиваетъ Журковскій.

— Да... вчера... передъ тѣмъ, какъ жандармъ собирался вести меня, жена войта дала мнѣ немного борща и кусокъ хлѣба.

— Ага! Теперь уже понимаемъ! — усмѣхнулся Журковскій.

Далъ ему позавтракать—вчерашнюю котлету и большой кусокъ хлѣба. Бѣдняга даже затрясся. Хотѣлъ благодарить, но лишь слезы показались у него на глазахъ.

И видите, еще одна неожиданность въ этомъ парнишкѣ. Наружность насквозь еврейская, а въ натурѣ его не видно было ничего, ни капли еврейскаго. Тихій, послушный, безъ капли еврейскаго самохвальства, до разговора не охотникъ, но если попросить его что-нибудь сдѣлать, онъ срывался, какъ искра. Было что-то природное, простое во всемъ его поведеніи. Когда не было работы, — а какая же у насъ въ камерѣ работа?— онъ любилъ сидѣть молча въ уголкѣ, скорчившись, охвативъ руками колѣни и опершись о нихъ подбородкомъ, только глаза его сверкали изъ темнаго уголка, какъ у любопытной мышки.

— Ну, расскажи намъ, что ты за кражу такую совершилъ, что жандармъ за нее даже ви-сѣлицей грозилъ тебѣ? — спросилъ его однажды Журковскій, когда ужъ видно было, что парнишка немного успокоился и освоился.

— Ой, ой, — сказалъ Йоська и затрясся всѣмъ тѣломъ, — долго было бы это рассказывать, а нечего. Это очень глупая исторія.

— Ну, ну, рассказывай, послушаемъ. Все равно умнаго здѣсь дѣлать нечего, такъ можно и глупую исторію послушать.

— Росъ я у Мошки — арендатора въ Смерековѣ, — началъ Йоська. — Сначала я игралъ вмѣстѣ съ его дѣтьми и звалъ Мошка „татэ“, а жену его „мамэ“. Я думалъ, что они мои родители. Но вскорѣ я замѣтилъ, что Мошка своимъ дѣтямъ покупалъ хорошія бекешки, а Мошчиха по пятницамъ даетъ имъ бѣлыя рубашечки, тогда какъ я ходилъ грязный и оборванный. Когда мнѣ было семь лѣтъ, меня заставили смотрѣть за гусями, чтобы не дѣлали потравы. Мошчиха не спрашивала, холодъ ли, дождь или зной, а гнала меня изъ дому на выгонъ и все меньше и меньше давала ѣсть. Терпѣлъ я голодъ, плакалъ не разъ на выгонѣ, но все это ничуть не помогало. Сельскіе ребятишки лучше относились ко мнѣ. Давали мнѣ хлѣба, творогу, принимали меня въ свои игры. Я привыкъ къ нимъ, а позже началъ замѣнять ихъ при гусяхъ. Былъ я для своихъ лѣтъ силенъ и ловокъ, поэтому деревенскія хозяйки начали сами довѣрять мнѣ гусей, а потомъ и телятъ, когда ихъ дѣти должны были идти въ школу. За это я получалъ отъ нихъ хлѣбъ, вареную пищу, а иногда въ праздникъ и пару крейцеровъ. Мошчиха была очень скупая, поэтому рада была, что я дома не просилъ ѣсть. Но когда дѣти Мошки узнали, что я ѣмъ крестьянскую пищу, прозвали меня трэфнякомъ и начали меня дразнить, а потомъ и сторониться. Сначала я не обращалъ на это вниманія, но вскорѣ очень остро почувствовалъ эту неприязнь.

Мошка нанялъ для своихъ мальчиковъ бегельфера, чтобы училъ ихъ читать и писать. Это было зимой, тогда я имѣлъ свободное время. Но когда я приблизился къ нимъ, чтобы также учиться, мальчики начали кричать, толкать меня и щипать и, наконецъ, съ плачемъ заявили

ЛВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА

АН УРСР

№ 31890

матери, что вмѣстѣ съ тrefнякомъ не будутъ учиться. Вижу, что сама Мошчиха научила ихъ этому, потому что сильно ненавидѣла меня эта вѣдьма, хоть и не знаю за что. И вотъ сейчасъ же, какъ только дѣти подняли крикъ, она прибѣжала и вытолкала меня изъ комнаты, говоря, что эта наука не для меня, что они бѣдные и имъ не на что нанимать бегельферовъ для попрошайки. Заплакалъ я, но что же дѣлать? Пойду бывало въ село, играю съ крестьянскими дѣтьми или присматриваюсь, какъ старшіе мастерять у возовъ, саней и прочихъ хозяйственныхъ принадлежностей.

Часто бѣгали мы цѣлою гурьбой къ кузнецу, кузница котораго стояла въ концѣ села, и тамъ цѣлыми часами присматривались къ работѣ. А такъ какъ я былъ самымъ сильнымъ изъ всѣхъ мальчиговъ, то кузнецъ не разъ велѣлъ мнѣ или раздуть мѣхомъ, или ударять молотомъ, или точило крутить. И какой же счастливый я былъ тогда! Какъ горячо я желалъ знать хоть какое-нибудь ремесло, если ужъ наука была не для меня!

Весной я снова возвратился на выгонъ къ гусямъ и телятамъ, которыхъ Мошка скупалъ въ окрестныхъ селахъ и, поддержавъ немного, возилъ во Львовъ на продажу. Выгонъ въ Смерековѣ большой, кой-гдѣ покрытый пнями; поэтому мнѣ и не приходилось много бѣгать; сяду себѣ, бывало, гдѣ-нибудь на пригоркѣ, наточу ножикъ и начинаю стругать, долбить, выдѣлывать изъ дерева разныя вещи, сначала маленькія лѣстнички, плуги и бороны, потомъ клѣтки, вѣтряныя и водяныя мельницы. Черезъ годъ я былъ уже такимъ мастеромъ, что другіе ребяташки не могли сравняться со мной. Началъ я фабриковать трещетки и скрипучія пугала, чтобы отгонять воробьевъ отъ пшеницы, проса и конопли, и продавалъ пару такихъ пугалъ по десять крейцеровъ. Скоро я зара-

боталъ себѣ столько, что могъ купить себѣ кой-какіе столярные инструменты: долотца, буравики и т. п. Потомъ я брался за большія вещи, такъ какъ имѣлъ къ этому охоту. Что только не увижу, сейчасъ хотѣлъ бы самъ это сдѣлать. Зимой я просиживалъ цѣлыми днями то у столяра, то у кузнеца, помогая имъ и пріучаясь къ работѣ. Мнѣ было уже шестнадцать лѣтъ, а у Мошки и въ мысляхъ не было сдѣлать что-нибудь со мною,—вывелъ меня въ пастухи, а дальше ему и нужды нѣтъ. Я даже не зналъ, кто былъ мой отецъ и какого я роду. Въ селѣ знали только, что Мошка привезъ меня откуда-то маленькимъ; ходилъ даже слухъ, что я сынъ какого-то родственника Мошки, никого, кромѣ меня, не оставившаго послѣ своей смерти, а въ наслѣдство мнѣ—порядочное состояніе, и что будто бы Мошко загребъ его и присвоилъ себѣ.

— Жаль тебя, Йоська,—не разъ говорили мнѣ крестьяне, — такой ты шустрый парень и до ремесла охотникъ, а что изъ тебя будетъ?

— Что же будетъ,—отвѣчалъ я,—будетъ общественный пастухъ.

— Охъ, нѣтъ у Мошки совѣсти, когда такъ мало о тебѣ заботится.

— Говорить, что бѣдный, что не изъ чего, — говорю я.

— Не вѣрь ты старому плуту. Есть у него деньги и большія, только для своихъ дѣтей бережетъ. А тебя даже Богу молиться не научилъ.

Волновали меня подобныя рѣчи. Началъ я самъ о себѣ думать.

— Въ самомъ дѣлѣ,—думаю,—что я здѣсь высижу? Даромъ работать на Мошку всегда успѣю. Если бы хотъ какому ремеслу хорошему научиться, то имѣлъ бы въ рукахъ хотъ свой кусокъ хлѣба. Но какъ этого достигнуть? Какъ освободиться отъ Мошки? Куда обратиться,—тѣмъ болѣе, если не

знаю, откуда я родомъ, кто былъ мой отецъ и гдѣ мои родственники?

Наша корчма стояла у дороги. Часто заходили къ намъ жандармы, не разъ ведя съ собой скованныхъ арестантовъ въ Львовъ или въ Жовкву. Сначала я страшно боялся этихъ здоровенныхъ, грозныхъ людей въ черной одеждѣ, съ ружьями на плечахъ и въ шляпахъ съ султанами изъ блестящихъ пѣтушиныхъ перьевъ. Съ тревогой и дрожью, съжившись около печки, слушалъ я не разъ, какъ разговаривали они съ Мошкой или съ сельскими хозяевами. Говорили обыкновенно о страшныхъ для меня вещахъ: о пожарахъ, о ворахъ, бродягахъ, и въ разговорахъ этихъ слышалъ я очень часто слово „бумаги“. „Если не имѣть бумагъ, сейчасъ его задержать“. „Эге, смотрю, а бумаги его не въ порядкѣ“. „Если бъ онъ имѣлъ хоть одну настоящую бумагу, я бы отпустилъ его“. — Ба, что же это за бумаги,—думалъ я не разъ,—которыя имѣютъ такую силу, что одна бумага можетъ спасти прохожаго отъ жандарма съ ружьемъ и пѣтушиными перьями? Но я не могъ найти отвѣта на этотъ вопросъ, и тѣмъ сильнѣе пугала меня мысль объ этихъ бумагахъ. Какъ же я могу куда-нибудь двинуться, не имѣя бумагъ? Вѣдь сейчасъ же на первомъ шагу жандармъ поймаетъ меня и поведетъ Богъ знаетъ на какія муки! Я дрожалъ всѣмъ тѣломъ при этой мысли. Чѣмъ чаще думалъ я объ освобожденіи отъ Мошки, тѣмъ чаще эти бумаги вставали у меня передъ глазами. Мнѣ даже снились эти бумаги, старыя, пожелтѣвшія, съ огромными печатями; онѣ смотрѣли на меня грознымъ, сморщеннымъ лицомъ или смѣялись надо мною противными, беззубыми ртами. Я былъ тогда очень несчастенъ. Всѣ люди, какихъ я объ этомъ спрашивалъ, подтверждали, что безъ бумагъ даже въ дорогу нельзя двинуться, ни одинъ мастеръ не приметъ въ ученье. Но откуда жъ мнѣ взять эти бумаги? Кузнецъ совѣтовалъ мнѣ спро-

силь о нихъ у Мошки. — Вѣдь онъ долженъ былъ получить послѣ моего отца какія-нибудь бумаги!

Да, спросить Мошку! Если бы было такъ легко приступить къ Мошкѣ! Раньше, когда я былъ еще маленькимъ, онъ былъ со мной ласковымъ; а когда я сталъ подрастать, совсѣмъ отдалъ меня въ руки своей жены-вѣдьмы и почти никогда ни о чемъ не говорилъ со мной. Мнѣ даже казалось, что онъ сторонился меня. Съ тѣхъ поръ, какъ люди рассказали мнѣ, что онъ долженъ былъ получить деньги послѣ моего отца, началъ я внимательно присматриваться къ нему; я замѣтилъ, что это мое вниманіе беспокоитъ его. Если мы случайно оставались одни, онъ вертѣлся какъ-то неспокойно, словно что его мучило. — А что, — думаю себѣ, — если бы такъ когда-нибудь, когда жены нѣтъ дома, налечь на него неожиданно, можетъ, можно было бы хоть что-нибудь отъ него узнать? Вотъ и рѣшилъ я при случаѣ такъ сдѣлать.

Случай такой скоро представился. Мошчиха поѣхала въ Жовкву, въ корчмѣ кромѣ Мошки никого не было, вотъ подошелъ я къ нему да говорю:

— Ребъ Мойше, люди говорятъ, что у тебя остались послѣ моего отца какія-то бумаги?

Мошка метнулся, точно его оса укусила.

— А ты откуда это знаешь?

— Да люди говорятъ.

— Какіе люди?

— Да всѣ, по всему селу.

— Ну, а тебѣ зачѣмъ эти бумаги? Вѣдь ты даже читать не умѣешь!

— Да, правда. А все-таки я хотѣлъ бы знать. Значитъ есть онѣ?

— Есть, есть эти нищенскія бумаги! — крикнулъ раздраженный Мошка, словно я ему Богъ вѣсть какую неприятность сказалъ. — Нищій былъ

твой отецъ, пропустилъ состояніе, а тебя на бѣду мнѣ оставилъ. Что мнѣ отъ тебя за выгода?

— Знаешь что, ребѣ Мойше,—говорю я,—отдай мнѣ эти бумаги. Я уйду, если тебѣ не нуженъ.

— Что? — заревѣлъ Мошка, — ты хотѣлъ бы уйти? А куда жъ ты, дуракъ, пойдешь?

— Я хотѣлъ бы поступить къ какому-нибудь мастеру, ремеслу научиться.

Мошка разсмѣялся во всю глотку.

— Иди, иди, капустная голова, думаешь, что тебя кто-нибудь возьметъ? За ученіе надо платить, а къ тому же надо умѣть читать и писать и то не по-еврейски, а по-„гоевски“¹⁾.

Я остолбенѣлъ. Наконецъ, послѣ долгаго молчанія проговорилъ:

— Такъ хоть покажи мнѣ эти бумаги, я хоть погляжу ихъ.

— Тьфу! — крикнулъ Мошка, — прицѣпился ко мнѣ, какъ репейникъ къ кожуху! Ну, иди, покажу тебѣ твои сокровища! Еще счастье твое, что я до сихъ поръ не сжегъ ихъ!

Это послѣднее слово точно ножомъ рѣзнуло мнѣ по сердцу. А что если бы Мошка въ самомъ дѣлѣ сжегъ мои бумаги? Вѣдь былъ бы я одинъ-одинешенекъ на свѣтѣ, какъ оторванный отъ дерева листь. Ни самъ бы я не зналъ своего рода, ни меня бы никто не зналъ. Не могъ бы двинуться съ мѣста, былъ бы навѣки прикованъ къ Мошкиной скамьѣ, былъ бы навѣки невольникомъ. Дрожь охватила меня при этой мысли, и какой-то слабый лучъ мелькнулъ передъ глазами. Съ большимъ трудомъ пересилилъ я себя и спокойно пошелъ за Мошкой въ чуланъ.

Чуланъ былъ деревянный, пристроенный къ корчмѣ сзади, а входъ въ него былъ изъ сѣней. Въ немъ было только одно маленькое окошко, накрестъ забитое желѣзными прутьями. Мошка скла-

¹⁾ Гой—нееврей.

дывалъ тамъ всякія вещи, которыя крестьяне давали ему въ залогъ, и все, что имѣлъ цѣннаго. Тамъ было много кожуховъ, смушковыхъ шапокъ, сапогъ; въ сундукъ хранились кораллы, говорили даже, что у него были тамъ на днѣ старинныя дукаты и талеры. Нѣсколько разъ подбирались къ этому чулану воры, но никакъ не могли вломиться въ него, такъ какъ онъ былъ прочно построенъ, и собакъ Мошко держалъ чуткихъ. Двери чулана были низкія и узкія, Мошко долженъ былъ согнуться, чтобы войти. За нимъ влѣзъ и я.

— А ты чего здѣсь?—накинулся онъ на меня.

— Какъ чего? вѣдь ты же велѣлъ мнѣ идти!

— Но не сюда же! Подожди въ сѣняхъ!

— Все равно,—говорю,—подожду и здѣсь. Вѣдь ничего не съѣмъ у тебя.

Мошко вытаращилъ глаза и такъ посмотрѣлъ, словно увидѣлъ меня первый разъ въ жизни. Не знаю, что ему во мнѣ не понравилось, но онъ плюнулъ и отвернулся. Потомъ онъ влѣзъ на сундукъ, потянулся къ полкѣ, прибитой подъ самымъ потолкомъ, и досталъ оттуда свертокъ пожелтѣвшихъ бумагъ.

— Вотъ твои бумаги! — проворчалъ онъ, показывая мнѣ ихъ издали.

— Дай, хоть разсмотрю ихъ,—говорю я и протягиваю руку.

— Ну, что же ты, дуракъ, въ нихъ увидишь?—отвѣтилъ мнѣ Мошка,—и на что тебѣ это? Живи у меня, если тебѣ хорошо здѣсь, и не ищи себѣ бѣды!

И положилъ бумаги опять на полку.—Пойдемъ отсюда,—говорить,—теперь можешь быть спокоенъ. А тому, что тебѣ люди обо мнѣ говорятъ,—знаю, что у людей длинные языки, ты не вѣрь. Это все враки!

— Что—враки?—спрашиваю.

— Эхъ, съ тобой разговаривать, все равно, что въ стѣну горохомъ кидать,—буркнулъ Мошка и

почти вытолкнулъ меня изъ чулана, а потомъ, заперевъ его внутреннимъ и наружнымъ замками, пошелъ въ корчму.

IV.

Йоська на минуту замолкъ. Журковскій, внимательно слушавшій его рассказъ, улыбнулся и сказалъ:

— Ну, ты говорилъ, что будетъ глупая исторія, а рассказываешь такъ, словно по книгѣ читаешь.

— Э,—отвѣтилъ Йоська,—то, что было до сихъ поръ, это еще не была глупая исторія. А теперь вотъ начнется глупость. А что гладко рассказываю, этому не удивляйтесь. Въ селѣ я научился сказки рассказывать. Память у меня хорошая, и если разъ прослушаю какую сказку, такъ потомъ передамъ ее еще лучше и интереснѣе, чѣмъ тотъ, отъ кого я ее слышалъ. Прошлой зимой всѣ въ селѣ такъ полюбили меня, что ни однѣ посидѣлки не обходились безъ меня.

— Э, какъ вижу, ты на всѣ руки мастеръ,—сказалъ Журковскій.

— Ой, не знаю почему, но мнѣ кажется, что именно въ этомъ мое несчастье,—отвѣтилъ Йоська, вздыхая.—Когда чувствую, что могу сдѣлать, что могу чему-нибудь научиться, то такъ меня и жжетъ что-то внутри, такъ меня давитъ и мучитъ, что ни на минуту не успокоюсь, пока этого не сдѣлаю, не достигну, не научусь. Вотъ же, не что другое, какъ только это довело меня до тюрьмы.

— Ну, ну, рассказывай!

Но на этотъ разъ Йоська не могъ окончить своего рассказа, потому что какъ разъ въ эту минуту открылась дверь въ нашу камеру и Йоську позвали къ допросу.

— Это необыкновенный парень,—пробормоталъ Журковскій и, задумавшись, началъ ходить по камерѣ.

— А мнѣ кажется, что онъ много вретъ,—гсво-

рю я. — Научился въ селѣ сказки рассказывать, такъ и намъ сказку говорить.

— Ты думаешь?

— Ну, а что же, развѣ этого не можетъ быть?

— Вѣрно, что можетъ быть, но лицо его говорить въ его пользу. Впрочемъ, еще будемъ имѣть время больше въ немъ разобраться.

На допросѣ Йоська былъ недолго, меньше получаса. Онъ вернулся болѣе веселымъ, спокойнымъ, чѣмъ былъ раньше.

— Ну, что же, — спрашиваю его, — не съѣлъ тебя судья?

— Э, что, судья хорошій человекъ, — сказалъ Йоська. — Признаться, сначала я его очень боялся. Въ селѣ мнѣ говорили, что здѣсь бьютъ при допросахъ, жгутъ подошвы раскаленнымъ желѣзомъ.

— Ха, ха, ха! — засмѣялся я. — Теперь-то я знаю, чего ты по ночамъ такъ метался, кричалъ и охалъ. Тебѣ, вѣрно, снилось, что тебѣ подошвы пекутъ!

— Ой, ой, не смѣйтесь. Мнѣ страшно подумать о тѣхъ снахъ, столько я въ нихъ натерпѣлся. А все напрасно. Судья такой добрый, говорилъ со мной по-человѣчески, не кричалъ, не сердился на меня, не билъ меня, какъ жандармъ.

— А развѣ жандармъ билъ тебя? — спросилъ Журковскій.

— Ой, я думалъ, что душу изъ меня вышибетъ! Посмотрите только на мои плечи!

И Йоська снялъ рубаху. Мы ахнули. Плечи парня были сплошь покрыты синяками и полосами запекшейся крови.

— Ну, а о чемъ же спрашивалъ тебя судья? — первый проговорилъ Журковскій.

— Да объ этомъ несчастномъ воровствѣ, какъ это было.

— Ну, и что же?

— Да что же? Рассказалъ ему все, какъ было, да и только. Составилъ протоколъ и велѣлъ меня вывести.

— Ну, такъ расскажи теперь и намъ, какъ это было.

— Да какъ было! Уже знаете, какое было мое житье у Мошки. Не хотѣлъ я дольше у него оставаться, а кромѣ того боялся, что если еще разъ напомню ему про бумаги, онъ возьметъ и сожжетъ ихъ. Вотъ и надумалъ я самъ ихъ выкрасть. Мнѣ было легче, чѣмъ постороннему вору, добратся до чулана, потому что и собаки меня знаютъ, и самъ я знаю всѣ входы и всѣ порядки въ домѣ. Сначала я хотѣлъ было украсть у Мошки ключи, но онъ, видно, пронюхалъ это и всегда носилъ ихъ при себѣ или пряталъ такъ, что я не могъ найти. А меня ужъ сжигало нетерпѣніе, съ тѣхъ поръ какъ въ головѣ моей появилась мысль добыть свои бумаги. Тогда ужъ ни о чемъ иномъ я не думалъ, какъ объ этомъ. И чего, наконецъ, мнѣ было долго раздумывать? Однажды ночью, когда всѣ спали, я быстро состругалъ пазъ въ одномъ столбѣ чулана — выдвинулъ при помощи долота одну доску, влѣзъ въ чуланъ, взялъ свои бумаги, а потомъ опять задвинулъ доску на мѣсто. Вотъ и все.

— Пустякъ, — буркнулъ Журковский.

— А какъ только бумаги очутились въ моихъ рукахъ, то я, даже не рассматривая ихъ, не развязывая шнурка, которымъ были связаны, завернулъ ихъ въ тряпку, спряталъ за пазуху и покинулъ Мошкину корчму. — Куда теперь идти? — подумалъ я. Я еще не совсѣмъ отдѣлался отъ страха. А что, если вдругъ Мошко обманулъ меня, показывая вмѣсто моихъ какія-нибудь глупыя бумаги? А что, если вдругъ впотѣмахъ я взялъ какой-нибудь другой свертокъ? Необходимо было съ кѣмъ-нибудь посоветоваться, какъ поступить въ этомъ случаѣ. Такъ вотъ, переночевавъ въ первомъ попавшемся стогѣ сѣна, пошелъ я на другой день къ знакомому кузнецу и все рассказалъ ему. Онъ первый окатилъ меня холодной водой.

— Скверно ты, парень, поступилъ,—говорить. — Иди сейчасъ къ войту, расскажи все и отдай ему бумаги.

Защемило у меня сердце отъ этихъ словъ. Но, что же дѣлать? Вижу, что совѣтъ разумный, и пошелъ. Прихожу къ войту и уже со двора вижу сквозь окно, что возлѣ стола на лавкѣ сидитъ жандармъ. Сразу что то какъ бы шепнуло мнѣ, что это смерть моя. Одервенѣлъ я и не могъ дальше шагу ступить. Въ головѣ у меня блеснула мысль—убѣжать. Но было уже поздно: войтъ увидѣлъ меня и радостно крикнулъ:

— А вотъ и онъ самъ! Легокъ на псминѣ! Ну, иди же, иди ближе!

Вижу, что все уже обнаружилось, что меня уже ищутъ, поэтому, собравъ всю свою смѣлость, иду въ хату.

— Какъ прозываешься? — спрашиваетъ меня жандармъ.

— Йоська Штернъ.

— Откуда родомъ?

— Не знаю.

— Ага! Значить бродяга!

Я окаменѣлъ на мѣстѣ. Часто слышалъ я это страшное слово, слышалъ много страшныхъ исторій о томъ, какъ жестоко обращаются жандармы съ бродягами, и всегда больше всего этого боялся. А тутъ, на тебѣ—съ первой минуты и самъ въ такое попался.

— Но вѣдь я же здѣшній,—простоналъ я,—панъ войтъ знаютъ меня.

— Я? тебя?—говорить мнѣ войтъ,—врешь, мой милый! Знаю тебя въ лицо, знаю, что зовутъ тебя Йоська, что служишь у арендатора Мошки, но кто ты такой и откуда взялся—этого не знаю.

— Ага, значить вретъ прямо въ глаза!—ерикнулъ жандармъ и что-то записалъ себѣ въ книжечку.—Иди сюда, — обратился затѣмъ ко мнѣ.— Ближе! Смотри мнѣ въ глаза!

И въ ту минуту, какъ я поднялъ на него глаза, онъ такъ ударилъ меня въ лицо своимъ тяжелымъ кулакомъ, что я сразу свалился на землю и облился кровью.

— Встань сейчасъ! — крикнулъ на меня жандармъ, — и не смѣй мнѣ кричать, а то еще больше получишь! А теперь говори правду, о чемъ буду спрашивать тебя. Ты служишь у Мошки?

— Да.

— Ты обокралъ его?

— Нѣтъ.

— Какъ—нѣтъ?

Я снова взглянулъ на жандарма, вытирая рукавомъ кровь съ лица, и снова здоровенный ударъ его свалилъ меня на землю.

— Панъ жандармъ, — сказалъ на это войтъ, пока я дѣлалъ усиліе подняться, — я, какъ начальникъ громады, не могу смотрѣть на такое обращеніе съ арестантомъ. Я долженъ присутствовать только при составленіи протокола, а что дѣлается передъ протоколомъ, то меня не касается. Если хотите учить его, что долженъ говорить, то найдите себѣ иное мѣсто. У меня этого нельзя.

Жандармъ прикусилъ губы, а затѣмъ, не говоря ни слова, всталъ со скамьи, досталъ изъ своей сумки наручники, заковалъ меня и повелъ въ корчму къ Мошкѣ. Что тамъ со мной дѣлали, какъ учили говорить, объ этомъ не буду рассказывать. Нѣсколько разъ я лишился чувствъ во время этой науки. Да и не напрасна же была ихъ злость. Надѣлалъ я имъ большихъ убытковъ. Мошка въ первую минуту сказалъ жандарму, что я укралъ у него большія деньги, завернутыя въ бумагу. Думалъ, что какъ только жандармъ поймаетъ меня и приведетъ въ корчму, онъ сразу отберетъ отъ меня бумаги и сожжетъ ихъ, и я навѣки останусь его невольникомъ. Лишь только я вошелъ въ корчму, сейчасъ же первымъ вопросомъ было:

— Гдѣ деньги?

— Не знаю. Я не бралъ никакихъ денегъ.

— А гдѣ бумаги?

— Я спряталъ.

— Гдѣ спряталъ?

— Не скажу.

Начали меня убѣждать, сначала битьемъ, потомъ добромъ, а я все только одно повторяю: бумаги я взялъ, потому что онѣ мои. Я даже не смѣлъ, что въ нихъ есть. Я ихъ спряталъ и никому не покажу, только войту.

Мошка чуть не взбѣсился. Со злости велѣлъ посадить съ меня сапоги и бѣлье, бывшее на мнѣ, и одѣть меня въ эти лохмотья. Наконецъ, избитаго и чуть не голаго повели меня къ войту. Тамъ снова начали выпытывать у меня про бумаги. Но я не дуракъ. Лишь когда увидѣлъ, что въ хатѣ много свидѣтелей, пошелъ я въ сѣни и вытянулъ изъ трещины бумаги. Сѣни у войта были темныя, большія. Идя въ хату и увидѣвъ тамъ жандарма, я запихнулъ свой свертокъ въ трещину, чтобы его не отобрали у меня. Когда Мошка увидѣлъ свертокъ въ рукахъ у жандарма, какъ воронъ кинулся къ нему, крича, что это его деньги, чтобы ихъ отдали ему.

— Го, го, Мошка,—отвѣтилъ войтъ,—такъ нельзя, все это мы должны представить на судъ. Составимъ здѣсь протоколъ, а когда парень сознается, что этотъ свертокъ укралъ у васъ, тогда ужъ дѣло суда, какъ поступить съ нимъ дальше. Запечатаетъ все, какъ есть — общественной печатью, и панъ жандармъ доставить это вмѣстѣ съ арестантомъ во Львовъ. А вы въ судѣ уже будете себѣ правды искать.

Мой Мошка такъ скривился при этомъ, словно выпилъ кварту своей лучшей водки. Но никто не обращалъ на это вниманія. Жандармъ сѣлъ писать протоколъ. А когда все уже было написано, жена войта дала мнѣ немного поѣсть, жандармъ

снова заковалъ меня, и мы двинулись въ путь во Львовъ. Я думалъ, что погибну въ дорогѣ отъ боли и мороза, и до сихъ поръ не знаю, какъ я выдержалъ. Ой, пане, какъ же вы теперь думаете, что со мной будетъ?

— Ничего не будетъ, — отвѣтилъ Журковскій. — Посидишь немного и выйдешь на волю. А кто знаетъ, можетъ, вся эта исторія кончится добромъ для тебя.

— Какъ это?

— Ну, увидимъ. Никогда человѣкъ не знаетъ напередъ, что его ожидаетъ.

V.

Дня черезъ два - три вызываютъ Йоську, но не къ допросу, а къ доктору. Что это значитъ? — думаю себѣ. — Вѣдь онъ не прописывался марудомъ¹⁾.

— Самъ не прописывался, — говоритъ мнѣ Журковскій, — а если бы даже и прописался, то все равно это ему ни на что бы не пригодилось. Это я заявилъ о немъ. Я былъ въ воскресенье у начальника тюрьмы и просилъ, чтобы онъ велѣлъ его освидѣтельствовать. Вѣдь это же страшное дѣло, что здѣсь творится! Такъ дальше продолжаться не можетъ!

И въ самомъ дѣлѣ, докторъ велѣлъ Йоськѣ раздѣться и составилъ съ нимъ протоколъ. Не знаю, вышло что -нибудь изъ этого. Въ нашихъ судахъ такія дѣла тянутся очень долго и не всякій такъ счастливъ, что можетъ дожидаться ихъ окончанія.

А тѣмъ временемъ Журковскій какъ-то говорить Йоськѣ:

— Слышишь, Йоська, хочешь, я научу тебя читать?

Тотъ на него глаза вытаращилъ.

---

¹⁾ Марудъ — больной.

— Ну, чего же ты такъ смотришь? Если только есть охота, то черезъ два-три дня будешь ты читать. А когда увижу, что въ самомъ дѣлѣ не врешь и имѣешь хорошую память, то ужъ устрою такъ, что тебя примутъ въ ремесленную школу, гдѣ научишься ремеслу, какому только захочешь.

— Ой, ой, — воскликнулъ Йоська и, заливаясь слезами, повалился ему въ ноги. Больше ничего не могъ сказать, только цѣловалъ его руки.

На другой день принесли Журковскому букварь, и онъ началъ учить Йоську читать. Черезъ два дня парень умѣлъ уже узнавать и складывать буквы, а черезъ недѣлю почти гладко читалъ коротенькіе отрывки. Онъ такъ пристрастился къ чтенію, что читалъ бы, кажется, день и ночь, только что ночью у насъ не было огня. Лишь для того, чтобы поѣсть, на минуту могъ онъ оторваться отъ книжки.

А когда смеркалось и читать уже нельзя было, Йоська садился въ уголокъ на своемъ сѣнникѣ, поджималъ подъ себя ноги, обхватывалъ ихъ руками и, сидя такъ, скорчившись, начиналъ рассказывать сказки. Тянулъ ихъ безъ конца и, хоть видно было, что повторяетъ одни и тѣ же чудеса и приключенія, однако всегда умѣлъ ихъ иначе комбинировать и рассказывать на иной ладъ. А иногда ясно было, что въ сказкѣ проходятъ передъ нами его собственныя грезы; рассказывалъ онъ о бѣдномъ парнѣ, который въ тяжелой бѣдѣ встрѣчаетъ благодѣтеля - чародѣя, перенимаетъ отъ него волшебныя слова и заклинанія и идетъ по свѣту добывать себѣ счастья и помогать другимъ. Захватывающими и вмѣстѣ простыми словами рисовалъ его страданія и приключенія, встрѣчу съ жандармами, неволю у арендатора, не разъ забавно мѣшая то, о чемъ говорится въ сказкѣ, съ тѣмъ, что самъ пережилъ.

Я еще никогда не видалъ мальчика, который бы такъ горячо срался за книжку, какъ Йоська. Видно было, что за эти недѣли онъ хотѣлъ на-верстать то, что потерялъ за десять съ лишнимъ лѣтъ. Больше всего огорчался онъ тѣмъ, что осенніе дни такъ коротки и въ камерѣ такъ быстро наступаютъ сумерки. Единственное наше окошко, выходящее на западъ и продѣланное почти подъ потолкомъ, скупо пропускало свѣтъ даже въ полдень: въ четыре часа читать ужъ нельзя было. Йоська радъ былъ бы продлить день вдвое. Наконецъ, обрадованный, онъ воскликнулъ:

— Догадался! Буду читать у окна! Тамъ свѣта-етъ раньше и смеркается позже, чѣмъ въ камерѣ.

— Неудобно тебѣ будетъ читать, стоя на лѣ-сахъ, — говорю ему. — Да и, кромѣ того, это для тебя очень высоко.

— Буду сидѣть такъ высоко, какъ мнѣ захо-чется, — говорить.

— Какъ же ты это сдѣлаешь?

— Привяжу простыню двумя концами къ рѣ-шеткѣ, положу въ нее свернутое трубкой одѣяло и сяду на немъ, какъ на сѣдлѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, изобрѣтеніе было очень практичное, и съ тѣхъ поръ всѣ въ тюрьмѣ такъ дѣлають. Нѣсколько дней Йоська просто любо-вался окномъ. Вставалъ въ шестомъ часу, какъ только немного разсвѣтало, устраивалъ свое при-способленіе и, взлѣзши на него, слѣпилъ глаза надъ книжкой, прижавшись лбомъ къ самой рѣ-шеткѣ, чтобы только какъ можно больше захва-тить божьяго свѣта. Мы оба съ Журковскимъ по очереди сторожили вслѣ дверей, когда къ камерѣ приближался надзиратель, и во время пре-дупреждали Йоську, чтобы слѣзалъ и снималъ свои приспособленія, такъ какъ сидѣть у оконъ заключеннымъ строго воспрещалось. Такъ и уда-валось намъ всегда счастливо избѣгнуть замѣча-

нія, а можетъ и надзиратель, нитая уваженіе къ Журковскому, не такъ строго слѣдилъ за нашей камерой.

Да на грѣхъ бѣда пришла съ другой стороны. Кромѣ надзора въ коридорѣ—есть еще одинъ: подъ окнами тюрьмы ходить съ ружьемъ часовой. Ему строго приказано слѣдить, чтобы арестанты не выглядывали въ окна и въ особенности чтобы не разговаривали между собою черезъ окна. Военное правило велить часовому въ случаѣ сопротивленія прибѣгать даже къ оружію. Правда, до сихъ поръ не было подобнаго случая. Нужно было, чтобы произошло что-нибудь ужъ очень выдающееся, чтобы часовой, сойдя со своего поста, доложилъ дежурному коменданту, что изъ того или иного окна говорили или смотрѣли. Старые солдаты—тѣ ужъ привыкли понимать, что предписаніе—одно, а исполненіе—другое, и обыкновенно не очень строго придерживались правилъ. Многіе спокойно относились ко всякимъ разговорамъ, какъ говорится, были согласны на все; другіе осторожно предупреждали или просили арестантовъ не нарушать тюремныхъ правилъ. Но бывало хуже, когда въ караулъ попадалъ новичокъ, который пуще огня боится капрала. Такой понималъ всякое распоряженіе буквально. Если ему говорили „строго слѣдить“, то онъ понималъ это такъ, что всякаго арестанта, показавшаго въ окнѣ голову, надо обругать послѣдними словами, доложить капралу или даже схватиться за ружье. Такимъ „клапачамъ“¹⁾ арестанты мстили тѣмъ, что во время ихъ караула, особенно вечеромъ, подымали въ окнахъ страшные крики, и бѣдный новичокъ иногда чуть съ ума не сходилъ, считая своей святой обязанностью отвѣтить на всякій крикъ изъ окна по меньшей мѣрѣ такимъ же громкимъ и злымъ крикомъ. Но такъ какъ аре-

1) Клапачъ на арестанскомъ жаргонѣ—часовой.

стантовъ бываетъ нѣсколько десятковъ, а онъ одинъ, то послѣ нѣсколькихъ минутъ адскаго крика солдатъ обыкновенно принужденъ былъ умолкать и, не зная чѣмъ помочь себѣ, хватался за ружье. Разумѣется, въ ту же минуту окна противъ него совершенно пустѣли, а крикъ поднимался въ другомъ концѣ длиннаго тюремнаго зданія, и часовой, какъ затравленный звѣрь, бѣжалъ туда и снова грозилъ ружьемъ—конечно, съ такимъ же результатомъ.

Такіе концерты устраивались обыкновенно вечерами, но бывали и днемъ. И вотъ на бѣду должно было случиться, что однажды отъ трехъ до пяти часовъ на караулѣ стоялъ именно такой несчастный новичокъ. Сначала онъ сказалъ грубость какому-то арестанту, смотрѣвшему въ окно. Дали сигналъ, чтобы „клапачу“ устроить кошачій концертъ. Въ разныхъ концахъ тюремнаго зданія, съ разныхъ этажей, изъ десятковъ оконъ сразу посыпались крики, визги, свисты и пронзительное мяуканье. Новичокъ также кричалъ, подбѣгалъ ко всѣмъ окнамъ, но нигдѣ никого не могъ увидѣть. Доведенный до бѣшенства, онъ, наконецъ, умолкъ и остановился на одномъ мѣстѣ, чтобы передохнуть. Минуты черезъ двѣ умолкъ и кошачій концертъ. Казалось, наступило полное успокоеніе. Въ камерѣ уже смеркалось, поэтому Йоська устроилъ свое приспособленіе и съ книжкой въ рукахъ припалъ къ окну. Но не успѣлъ прочитать себѣ подъ носъ пару словъ, какъ вдругъ часовой, замѣтивъ его, подбѣжалъ и сталъ противъ окна.

— Маршъ съ окна, воришка! — крикнулъ онъ на Йоську.

Йоська сначала даже не слышалъ крика, такъ былъ увлеченъ чтеніемъ—исторіей о цаплѣ и рыбѣ.

— Маршъ съ окна, — крикнулъ часовой еще громче.

— Да что тебѣ отъ меня надо?—отвѣтилъ Йоська.—Вѣдь я же тебѣ не мѣшаю. Вѣдь видишь — читаю. Въ камерѣ уже темно,—ну, я и вылѣзъ немного къ свѣту.

— Уходи прочь, не то выстрѣлю,—равенуль часовой, и прежде чѣмъ Йоська успѣлъ слѣзть со своихъ лѣсовъ, загремѣлъ ружейный выстрѣлъ.

— Ой,—вскрикнулъ Йоська и, какъ снопъ, повалился сверху на стоявшую подъ окномъ кровать. Ноги его судорожно вздрагивали, а руки, державшія книжку, были прижаты къ груди. Изъ-подъ листовъ книжки лилась кровь. Пуля попала прямо въ грудь.

— Что съ тобой? Куда попало?—вскрикнули мы оба, бросаясь къ Йоськѣ. Но онъ ничего не отвѣчалъ, только черные глаза его блестѣли, какъ два горящіе угля, какъ-то странно выдѣляясь на мертвенно-блѣдномъ лицѣ.

Во дворѣ подъ нашимъ окномъ и въ коридорѣ нашихъ дверей одновременно поднялся шумъ. Тамъ на выстрѣлъ выбѣжала военная стража, а здѣсь — надзиратель искалъ камеру, въ которую стрѣляли. Ворвались къ намъ.

— Ага, это здѣсь!—крикнули они, увидя лежащаго Йоська.—А что, воришка, досталось тебѣ на орѣхи?

Йоська еще метался и тихо стоналъ, все время прижимая къ груди обѣими руками книжку, словно хотѣлъ зажать ею смертельную рану.

— Что онъ дѣлалъ? — спросилъ меня надзиратель.

— Да... я... только... къ свѣту.

Хотѣлъ еще что-то сказать, но у него не хватило силъ. Послѣднимъ движеніемъ онъ оторвалъ отъ груди руки и показалъ надзирателю окровавленный букварь.

— Онъ читалъ у окна, — пояснилъ я надзирателю.

Въ ту же минуту пришелъ изъ суда посыльный съ бумагой, ища надзирателя.

— Господинъ надзиратель, — зоветъ изъ коридора, — гдѣ здѣсь сидитъ Иоська Штернъ? Есть тутъ изъ суда бумага, что можетъ выходить на свободу.

Но Иоська уже за минуту передъ этимъ былъ свободенъ...

НА ПРОМЫСЛАХЪ. [Ринк]

1.

— Иванъ, Ваничка, соколъ мой дорогой!

— Чего тебѣ?

— Да, разъ ты теперь такой строгій, непри-
вѣтливый какой-то...

— Говори, чего надо?

Осенній вѣтеръ шумѣлъ и свистѣлъ по узкимъ
уличкамъ Борислава¹⁾ и раскидывалъ мокрую
глину, вырытую за день изъ ямъ. Ночь была
темная.

— Ну, сколько буду ждать здѣсь твоего разго-
вора? Говори, зачѣмъ вызвала меня сюда, на ули-
цу, въ такой вѣтеръ?

— Я хотѣла поговорить съ тобой такъ... какъ
бывало раньше... знаешь, на селѣ.

— Вотъ! Нашла время и мѣсто! Говори скорѣе
чего тебѣ надо! Не видишь, я весь продрогъ!

— Вижу, вижу!—Голосъ ея дрожалъ, и вся она
промерзла еще больше, чѣмъ Иванъ.—Иванъ... ты,
вижу, ужъ не любишь меня... или не такъ, какъ
прежде...

— Ха, ха, ха! Откуда ты это заключаешь?

— А та, Ганка круглолицая... ты съ ней каждый
вечеръ водишься...

---

¹⁾ Бориславъ—село Драгобущкаго округа въ Гали-
ціи; извѣстно своими копальнями земляного воска „озо-
керита“ и нефти.

— Тыфу ты! Я съ ней!.. Сама за мной бѣгаетъ. Что жъ, я запрещаю ей, если она сама за мной шляется?

— А мнѣ зачѣмъ запрещаешь?

— Э, ты все себя напередъ выставляешь! Чего тебѣ надо? Не хватаетъ тебѣ чего? Скажи, вѣдь ты знаешь, я никогда не отказывался помогать тебѣ въ нуждѣ.

Дѣвушка вздохнула.

— Въ нуждѣ! Боже, если бы ты зналъ мою нужду!.. Да что тамъ... Одного мнѣ не достаетъ, Ванчика.

— Чего?

— Тебя.

— Вѣдь вотъ же, видишь меня.

— Да что того! Когда сердце твое ко мнѣ не лежитъ! Когда забылъ ты меня, не любишь! Съ тобой бы я никакой нужды не боялась. Для тебя бы всякое горе перенесла...

— Эхъ, глупая ты,—перебилъ ее Иванъ,—глупая да и только. Думаешь, что я по Ганкѣ съ ума схожу, а я о Ганкѣ и не думаю.

Потомъ подойдя къ ней и прижимая ее къ себѣ, онъ добавилъ болѣе мягкимъ и тихимъ голосомъ:

— Не бойся, Фрузя! Я тебя не забуду! Помнишь, какъ я клялся тебѣ — тамъ, подъ липой? Богъ слышалъ это, и Онъ мнѣ свидѣтель. Еще немного потерпимъ оба... Развѣ я не знаю, что тебѣ тяжело? Да вѣдь и мнѣ не легко. Еще двѣ недѣли... А теперь успокойся, пора домой. Ты вся дрожишь, ты промерзла... Зайдемъ со мной въ трактиръ. Пойдемъ, обогрѣемся. Вѣдь тебѣ далеко домой.

— Да вѣдь я...

— Пойдемъ, не разговаривай!

И онъ почти насильно затащилъ ее въ трактиръ, гдѣ было полно народу, рабочихъ и работницъ, стоялъ гомонъ, духота, удушливый запахъ отъ пропитанныхъ нефтью рубахъ и полотняныхъ

куртокъ, громкаго хохоту и запахъ водки. Никто не обращалъ на нихъ вниманія. Оба сѣли за столы въ возлѣ печки, и Фрузя съ интересомъ обводила вокругъ глазами, нѣтъ ли въ трактирѣ Ганки, ея самаго лютаго врага, ея соперницы изъ-за Иванова сердца. Ганки не было, и она вздохнула свободнѣе. Выпивъ рюмку вишневки и немного обогрѣвшись, она разговорила, вспоминала село и знакомыхъ, а подъ конецъ, наклонивъ къ себѣ Иванову голову, прошептала:

— А у меня новость.

— Какая новость?

— Ожидаю гостя.

— Гостя? Какого?

— А ну, угадай.

— Откуда жъ я могу знать, кто собрался къ тебѣ въ гости?

— Долженъ знать.

— Долженъ? Тыфу, да что это за гость такой?

— Ахъ, ты недогадливый!

И она шутливо подергала его за ухо.

— Да ребенокъ! Твой ребенокъ, Иванъ!

Она силилась выговорить это просто, весело, но у нея не хватило ни духу, ни голоса. Сердце вдругъ забилося, затрепетало. Она знала, что отъ того, какъ приметъ Иванъ эту вѣсть, зависить очень многое, можетъ-быть, вся ея жизнь. И она съ тѣхъ поръ, какъ почувствовала себя матерью, больше всего боялась того момента, когда ей придется сказать объ этомъ Ивану. Что-то онъ скажетъ? А теперь, когда слово сорвалось съ языка, она сидѣла блѣдная, испуганная, точно виноватая въ какомъ-то тяжкомъ грѣхѣ, точно ждала отъ него какого-то страшнаго приговора.

А Ивану какъ будто совсѣмъ, совсѣмъ было безразлично. Онъ отвернулъ голову, поднялъ глаза къ потолку и началъ потихоньку насвистывать, а потомъ, взглянувъ на Фрузю, спросилъ ее какъ бы нехотя:

— Ну что, выпьешь еще рюмочку?

— Нѣтъ, не хочу,—отвѣтила чуть слышно дѣвушка.

Иванъ потребовалъ себѣ стаканъ пива и ничего не говорилъ. Она сидѣла, какъ неживая. „Все погубило! Все погубило!“ вертѣлось у нея въ головѣ. „Онъ меня не любитъ! Вотъ, бросить здѣсь въ этомъ пеклѣ, въ этомъ болотѣ!“

Въ трактирѣ гудѣло и клокотало. Ей сдѣлалось душно, словно что-то сжимало грудь. Она встала.

— Идешь уже?

— Иду.

Онъ не тронулся съ мѣста, не просилъ ее обождать и все продолжалъ всматриваться въ потолокъ. У Фрузи навернулись слезы на глаза, но усиліемъ воли подавила она ихъ.

— Доброй ночи, Ваня.

— Доброй ночи.

На улицѣ вѣтеръ схватилъ ее въ свои холодныя объятія, рвалъ полы ея свитки, сыпалъ ей въ лицо комки глины, но она ничего не замѣчала. Но въ ея сердцѣ было еще холоднеѣе, еще темнѣе, чѣмъ въ Бориславскихъ закоулкахъ.

II.

На самомъ концѣ Борислава, на пустынной окраинѣ, находился большой складъ земляного во-ска, добываемаго изъ ямъ,—собственность еврея Линденбаума. Это была деревянная постройка. Вокругъ нея было вырыто много ямъ, а подъ стѣнами навалены кучи выкопаннаго изъ ямъ „ле-пу“ — сѣраго ила. Только узкія дорожки, протоптанныя тачками, со всѣхъ сторонъ пробѣгали между этими горбами къ воротамъ склада.

Сзади, противъ воротъ склада, въ двухъ пристроенныхъ конурахъ жилъ сторожъ. Эта пристройка почти совсѣмъ пряталась межъ высокими кучами ила, и солнце рѣдко загляды-

вало внутрь сквозь узкія оконца. Сторожъ былъ вдовецъ, дѣтей своихъ пораздавалъ на воспитаніе людямъ и, желая заработать кой-что сверхъ того, что платилъ ему Линденбаумъ, сдавалъ одну конуру подъ ночлегъ работницамъ, а самъ довольствовался другой—все равно онъ мало спалъ ночью, долженъ былъ караулить, такъ какъ полиціи въ Бориславѣ тогда еще не было.

Уже поздняя ночь. Тѣсная, грязная и душная конура наполнена работницами. Голыя стѣны, едва побѣленные известью доски, на одной изъ которыхъ налѣплена какая-то картинка, кусочекъ зеркала; въ одномъ углу—сбитая изъ трехъ досокъ кровать, прикрытая сѣнникомъ и плахтой, а у окна маленькій столикъ на трехъ высокихъ ножкахъ—вотъ и все, что можно было замѣтить въ конурѣ. Ни печки, ни кухонной посуды, ни постели, ни сундука. На кровати не было никого, зато на полу, какъ сельди въ бочкѣ, груды какихъ-то человѣческихъ существъ, громко, тяжело дышащихъ, и въ сумракѣ, наполнявшемъ конуру, похожихъ на одинъ сплошной комъ грязнаго бѣлья, свитокъ, платковъ и сапогъ. Это—ночлегъ работницъ. Бабы, дѣвки, молодухи, пригнанныя сюда нуждой изъ далекой стороны, натрудивъ за день грудь и руки при вертелѣ или при выбираніи илу изъ цебровъ и воску изъ глины, въ повалку лежали теперь на холодномъ деревянномъ полу, подложивъ подъ голову кулакъ, прижавшись одна къ другой, во-первыхъ по недостатку мѣста, а во-вторыхъ—такъ теплѣе.

Ихъ лица пожелтѣли отъ нужды, а руки какъ бы обросли глиной и землянымъ воскомъ, ихъ одежда была заштопанная и едва держалась на тѣлѣ. Старыя, недугами и горестью изборожденные лица лежатъ рядомъ съ молодыми, еще не утратившими слѣдовъ красоты, но уже увядшими отъ преждевременнаго тяжелаго труда, нужды и разврата. Въ конурѣ тихо, лишь время отъ времени кто-ни-

будь вскрикнетъ со сна и взмахнетъ руками, иная пробормочетъ сквозь сонъ какое-то проклятье или обниметъ сосѣдку—ей вѣрно снится, что обнимаетъ возлюбленнаго. Но безпокойнѣ всѣхъ спать вотъ та старушка—когда-то на все село первая хозяйка, а теперь мало чѣмъ отличающаяся отъ нищей. За день она немного сработаетъ, силы въ старыхъ костяхъ совсѣмъ мало развѣ, только для того, чтобы сидѣть въ углу сарая и перебирать добытый изъ ямъ илъ. Платятъ ей за это три шистки ¹⁾ въ день, она и за это благодаритъ Бога. Но ночью она какъ бы оживаетъ. Кажется, что тогда въ ея душѣ воскресаетъ вся жизнь, проведенная въ лучшихъ условіяхъ. Охрипшимъ голосомъ мурлычетъ она свои дѣвичьи, давно забытыя пѣсни, потомъ трогаетъ на себѣ лохмотья, будто поправляетъ передъ зеркаломъ свои наряды; потомъ важно покачиваетъ головой, будто бесѣдуетъ со старыми давнишними сосѣдами и хвалится новыми кораллами; то снова чмокаетъ губами—смакуетъ подогрѣтую съ медомъ водку. А тамъ пойдутъ какія-то проклятья, тяжелыя всхлипыванья, стоны и снова отрывки пѣсенъ—и такъ цѣлую ночь. Не разъ ея сосѣдка проснется отъ тѣхъ сновъ ея, обругаетъ и толкнетъ старуху въ бокъ, чтобы тихо спала, но это нисколько не помогаетъ. Проснувшись, старуха совершенно ничего не помнить, что ей снилось, а тихо спать она не можетъ.

На маленькомъ столикѣ у окна горитъ свѣчечка, изъ желтаго, неочищеннаго воска. Свѣтъ ея колышется и неровно мерцаетъ, бросая на сиящихъ работницъ неопредѣленные тѣни. Возлѣ столика сидитъ склоненная дѣвушка—единственный во всемъ домѣ человѣкъ, котораго не беретъ сонъ. Ей грустно, тоскливый глазъ слѣдитъ за быстрыми движеніями иголки. Она шьетъ

---

¹⁾ Шистка=10 крейцерамъ=8 коп.

рубашонку — маленькую-маленькую, — старательно шьетъ ночами, потому что днемъ иная работа.

— Говорилъ, что о Ганеѣ онъ не думаетъ, — ткетъ она невеселыя думы. — Можетъ-быть, это и правда. Да, но вѣдь того не говорилъ, любить меня или нѣтъ. Да и зачѣмъ говорить? Развѣ я сама не вижу? Нѣтъ, не любить онъ меня, не думаетъ обо мнѣ! Онъ забылъ свою клятву, хоть на словахъ и вспоминаетъ о ней. Что слова? Вѣтеръ да и только. А Богъ съ неба не слѣзетъ, палкой бить не будетъ. Такъ онъ думаетъ и, вѣрно, въ кулакъ смѣется надо мной. Смѣется надъ глупой, что покинула для него отца, мать, домъ, что отдала ему свою добрую славу. Все, все я отдала ему, бросила для него! А теперь, когда съ меня ужъ больше нечего взять, я ему ненужна, ненавистна!

И на ея глаза снова навернулись слезы, только теперь она не останавливала, не глотала ихъ, и онѣ обильными каплями полились на ея шитье.

— Боже! Боже! за какіе грѣхи Ты такъ тяжело наказалъ меня? — простонало ея измученное сердце.

Игла остановилась. Сама не зная почему, Фрузя всматривалась въ пламя нефтяной лампочки. Надъ пламенемъ подымался синій дымъ и густымъ туманомъ стоялъ у потолковъ. У нея болѣла голова. На дворѣ свистѣлъ вѣтеръ, пробирался сквозь щели въ конуру и обдавалъ ее холодомъ.

Фрузя выплакалась, и ей сдѣлалось легче.

— Нѣтъ, онъ любитъ меня. Я умерла бы, если бы онъ пересталъ меня любить. Что жъ такое я сдѣлала ему, чтобы онъ могъ забыть меня? Да и что бы я дѣлала безъ него съ малымъ ребенкомъ, который скоро появится на свѣтъ, съ тѣмъ непрощеннымъ гостемъ, передъ которымъ нельзя запретъ дверей?

Правда, Фрузя также не знала, что будетъ дѣлать и съ нимъ, съ Иваномъ, когда появится ребенокъ. Вѣдь видѣла же она, какъ онъ скривился и отвернулся, услышавъ, что она ожидаетъ ребенка. Знала, что денегъ у него нѣтъ, что онъ день-изодня на работѣ и для нея самой ничего больше не остается, какъ слечь въ больницу. Все это она ясно видѣла еще раньше, когда, съежившись и стуча зубами, шла изъ трактира къ этой конурѣ. Но теперь она не думала объ этомъ. Ей было страшно думать и, какъ утопающій хватается за прутикъ, за соломинку, такъ она ухватила за эту мысль: если бъ онъ любилъ меня! Если бъ онъ былъ со мной! Съ нимъ мнѣ ничто не страшно, онъ во всемъ найдетъ!

Она сознательно обманывала себя этой мыслью, внушала ее себѣ и теперь была почти увѣрена, что все оно такъ и будетъ. Должно быть! Развѣ нѣтъ Бога надъ ними! Вѣдь не даромъ же она покинула для него отца и мать, не даромъ же она такъ много натерпѣлась! Вѣдь не даромъ же онъ общалъ ей, что еще немного имъ потерпѣть, а потомъ все будетъ хорошо, все горе минетъ. Что онъ намѣревался дѣлать? Она не могла додуматься, но чувствовала, что на сердцѣ ей становится весело, легко какъ весенней травкѣ, пробивающейся изъ-подъ снѣга на свѣтъ...

Она всматривалась въ нефтяную лампу, которая уже вотъ-вотъ догорала и не свѣтила, а лишь дымилась и наполняла всю конуру чадомъ. Сердце Фрузи билось сильно-сильно. Ей казалось, что игла въ ея рукахъ летитъ быстро, корба ¹⁾ вертится легко и скоро. Усталости, холода нѣтъ и слѣда. Музыка играетъ, что-то блесить, будто длинная, залитая солнцемъ дорога среди зеленой ржи. Щекочетъ что-то, какъ прикосновеніе нѣж-

¹⁾ Корба—рукоятка.

ныхъ, любимыхъ рукъ... Голова ея склонилась на столъ, и она заснула.

А издали, отъ Борислава, вѣтеръ доносилъ глухіе крики и пѣніе. То кричали и пѣли вышедшіе изъ трактира рабочіе. А надъ всѣми голосами самый сильный голосъ Ивана выводилъ:

А я тебе, моя мыла, не покину,
Положу ты на ліжечко, якъ дытыну!..

III.

Утромъ Фрузя проснулась раньше другихъ работницъ. У нея болѣла голова, ее бросало въ холодъ, мутило, но она про это и не думала. Быстро умывшись, она побѣжала въ трактиръ, гдѣ имѣла оплаченный за цѣлую недѣлю впередъ завтракъ — кувшинчикъ горячаго молока и кусокъ хлѣба. Но кусокъ не шелъ ей въ горло. Выпивши черезъ силу молоко, она спрятала хлѣбъ за пазуху и побѣжала. Куда? Она и сама хорошо не знала. На работу было еще рано. Ей хотѣлось увидѣть Ивана, но она знала, что едва ли найдетъ его на улицѣ, а гдѣ онъ ночевалъ за эти дни — она не знала. И она пошла наугадъ, шлепая по густой, липкой грязи, дрожа отъ холода, усталостью и движеніемъ желая заглушить бушевавшую въ ея сердцѣ тревогу.

Бориславъ начиналъ оживляться. Изъ темныхъ норъ, изъ - подъ затхлыхъ, душныхъ и тѣсныхъ навѣсовъ вылѣзали грязные, заспанные люди. Они начинали день проклятiями и ссорами, не умываясь и не крестясь, тянулись къ трактирамъ, а отсюда, выпивъ по рюмкѣ водки, закусивъ сухимъ хлѣбомъ и положивъ еще за пазуху того же сухого хлѣба, немного колбасы или головку чесноку, шли на работу. Подъ вышками кое-гдѣ трещали звонки, кричали кассиры ¹⁾ скрипѣли

¹⁾ Кассиръ — надсмотрщикъ, приказчикъ.

корбы. Срединой улицы тянулись возы съ дровами, съ мѣшками картофеля, съ хлѣбомъ и инымъ провіантомъ. И надъ всѣмъ этимъ сѣрое насупившееся небо думало какую-то мрачную думу, а вдали на склонахъ Дола ¹⁾ зеленѣлъ высокій сосновый боръ.

Шлепая по улицѣ, Фрузя обѣгала глазами всѣ закоулки, заглядывала въ открытыя двери трактировъ, подъ знакомыя вышки, но Ивана нигдѣ не было. На поворотѣ, недалеко отъ гостиницы Кирницкаго, которая была главнымъ центромъ рабочей жизни и ночныхъ гульбищъ, она встрѣтила Ганку. Это была дѣвка изъ того же самаго села, что Иванъ и Фрузя. Здоровая, краснолицая, съ вытаращенными глазами и толстыми губами, она казалась настоящимъ силачемъ въ сравненіи съ худой, истощенной Фрузей. Неся на коромыслѣ ведра съ водою, она твердо ступала по размокшей глинѣ большими красными ногами. Ея черныя косы были обвиты вокругъ головы, а черные блестящіе глаза свѣтились здоровьемъ и силой, которой, видно, никогда не подтачивалъ никакой червь внутренней печали. Это была одна изъ тѣхъ грубыхъ ватуръ, у которыхъ до души не докопаешься. Даже и въ бѣдности въ тяжеломъ трудѣ, онѣ, видно, не знаютъ несчастья, не знаютъ родного, которое идетъ отъ несбывшихся желаній, отъ неудовлетвореннаго чувства, отъ несогласія между волей и разумомъ. Онѣ какъ бы созданы для тяжелаго труда, какъ воля для ярма; ихъ горе начинается лишь тогда, когда имъ откажется служить ихъ желѣзное здоровье.

Фрузя и раньше не любила Ганки, а теперь, видя, какъ въ ея обществѣ Иванъ становится веселымъ, какъ онъ шутить, танцуетъ съ ней, она возненавидѣла ее всѣмъ сердцемъ. Вчерашнія слова Ивана о томъ, что Ганка сама за нимъ волочитъ

¹⁾ Доля—предгорье Карпатъ.

ся, кипяткомъ заклокотали въ Фрузиномъ сердцѣ.

— Слушай, Ганка, — сказала она, не здороваясь и близко подойдя къ ней.

— Чего тебѣ?

— Ты у Кирницкаго на службѣ?

— Да, ужъ четвертый день.

— А былъ тамъ вчера мой Иванъ?

— Твой Иванъ? Какой такой твой Иванъ? — съ насмѣшкой проговорила Ганка.

— Сама знаешь, какой! — сказала Фрузя, подавляя въ себѣ злобу.

— Такой же онъ мой, какъ и твой! Даже больше мой, потому что тебя и въ глаза не хочетъ видѣть, а со мной ему весело.

— Врешь, помойница! — крикнула Фрузя. — Врешь, врешь! Не смѣй волочиться за нимъ! Онъ самъ сказалъ, что ты за нимъ волочишься. Слушай, если я тебя еще разъ увижу съ нимъ, глаза тебѣ выдеру.

— Хоть на стѣны лѣзь, чучело! Чего ты ко мнѣ пристала?

— Не смѣй, не смѣй! — кричала Фрузя, едва дыша. — Не смѣй и завлекать его!

— Вотъ посмѣю, что ты мнѣ сдѣлаешь? И вчера я была съ нимъ, и сегодня буду, и когда мнѣ захочется, буду. А ты хоть тресни со злости, мнѣ все равно.

Фрузя, не помня себя, кинулась на Ганку съ кулаками, но, лишь разъ замахнулась ведромъ, и облила ее цѣлымъ потокомъ воды.

Рабочіе, толпой стоявшіе на улицѣ и слушавшіе этотъ громкій разговоръ двухъ соперницъ загоготали.

— Ловко, Ганка! Веупай ее! Пускай не будетъ такой горячей, — кричали одни.

— А ну, Фрузька, схвати ее за косы! Какъ она смѣетъ отбивать у тебя парня? — подзадоривали другіе.

Фрузя сама себя не помнила отъ стыда и гнѣва. Она была вся мокрая и дрожала отъ холода, но все-таки гнѣвъ былъ сильнѣе. Она кинулась на Ганку и, схвативъ ее за косы, начала таскать и бить. Ганка, все еще держа на плечахъ коромысло съ ведрами, минуту была безпомощна и не знала держать ли коромысло, или обороняться. Но быстро сообразила, опустила коромысло и свободной рукой ударила Фрузю въ грудь такъ сильно, что та сразу свалилась съ ногъ и выпустила ее косы.

— Го, го, го! — гоготали рабочіе. — Вотъ такъ дѣвка, — солдаты! Такъ ее!

— Иванъ, — кричали другіе Ивану, который вышелъ въ это время изъ трактира. — Иди-ка сюда! Увидишь комедію.

— Да что тамъ такое? — спросилъ Иванъ.

— Иди, тутъ изъ-за тебя двѣ дѣвки того гляди вѣкъ себѣ укоротятъ. Поди, хоть посмотри! Вотъ такъ счастливый парень, даже дѣвки за него дерутся.

Иванъ подошелъ и сразу понялъ, что творится.

— Ганка, — грозно сказалъ онъ, — что ты дѣлаешь?

— Смотри, — закричала Ганка. — Вотъ это чучело чего-то хочетъ отъ меня. Пристала на улицѣ и посмѣшище изъ меня дѣлаетъ.

Фрузя, едва дыша, поднялась съ земли. У нея болѣло въ груди, духъ захватывало.

— Иванъ, — проговорила она.

— А иди ты къ чорту, — буркнулъ Иванъ. — Чего ты лѣзешь ко мнѣ да на улицѣ срамишься? Ступай-ка лучше да переодѣнься. Смотри, ты вся мокрая.

— Это я ее окатила, чтобъ залить ее широкую глотку, — издѣвалась Ганка. — Пусть въ другой разъ знаетъ, какъ меня трогать.

И, схвативъ ведра на коромысло, она побѣжала прочь. Иванъ, сплюнувъ въ сердцахъ, тоже

отвернулся и вмѣстѣ съ другими рабочими пошелъ на свою работу. Фрузя осталась одна. Она вся дрожала, чувствовала себя безсильной, несчастной, одинокой на цѣломъ свѣтѣ. Зачѣмъ ей жить? Вѣдь теперь ей все ясно, теперь нѣтъ никакого сомнѣнья, никакой надежды. Не зная, какъ и когда, она пришла домой, сбросила съ себя мокрое платье, переодѣлась, но вмѣсто того, чтобы идти на работу, легла на кровать и лежала, тихо стоная. Въ квартирѣ никого не было. Она чувствовала страшную боль въ головѣ, страшную усталость во всемъ тѣлѣ. Ее мучила жажда, она съ трудомъ встала съ постели, принесла себѣ воды, напилась и обвила голову мокрымъ полотенцемъ. Потомъ легла и заснула.

IV.

Вечеромъ того же дня Иванъ зашелъ къ Кирницкому, чтобы выпить стаканъ пива. Ганка поставила передъ нимъ заказанное пиво и ушла, не говоря ни слова. Иванъ тоже не обращалъ на нее вниманія, а медленно пилъ пиво и сидѣлъ, не то дремля, не то о чемъ то думая. Ганка нѣсколько разъ проходила мимо него, посматривала исподлобья, видно, хотѣла задѣть его, но не трогала. И только, когда Иванъ заказалъ другой стаканъ, она, ставя его на столъ, проговорила ѣдко, нехотя:

— Ну, а гдѣ же та, твоя?

— Какая та?

— Ну, твоя невѣста?

— Моя невѣста? Нѣтъ никакой у меня невѣсты.

— Ну, да, ври! А Фрузька-то кто? Она ведетъ себя не какъ невѣста, а какъ жена твоя. „Не смѣй мнѣ моего Ивана завлекать!“

— Ха, ха, ха!—натянуто разсмѣялся Иванъ.

— Скажи ей,—быстро и гнѣвно говорила Ганка,—пусть меня не трогаетъ.—Я не помойница ея, не ея подчиненная. А если она еще разъ задѣнетъ

меня, то я не буду смотрѣть на ея постную фигуру, а такъ раздѣлаю, зубы вышибу, пусть знаетъ! Понимаешь?

— Да отстань ты отъ меня!—сказалъ Иванъ.— Сама ей говори, что хочешь. Это ваши счеты, а меня оставьте въ покоѣ.

Ганка отошла. Иванъ сидѣлъ и пилъ пиво. Но вотъ въ трактиръ вошла цѣлая ватага рабочихъ. Увидѣвъ Ивана, они начали надъ нимъ подшучивать:

— А! Иванъ! Я слышалъ, ты покидаешь Бориславъ?

— Я? Мнѣ и не снилось.

— Женишься на Фрузѣ и уходишь на ея родину.

— Что вы одурѣли?

— Да ты, вѣрно, самъ одурѣлъ, если хочешь вольное бориславское житье промѣнять на жизнь вола въ ярмѣ.

— Ребята! — вскрикнулъ Иванъ, раздраженный этими словами, и ударилъ стаканомъ о столъ.— Собака тотъ, кто говоритъ мнѣ это!

— Да мы не отъ себя говоримъ. Намъ такъ рассказывали дѣвки, что ночуютъ съ твоей Фрузей. Она имъ говорила, будто между вами все ужъ условлено.

— Рехнулась дѣвка? Что между нами условлено? Правда, что она нѣсколько разъ приставала мнѣ, чтобъ я покинулъ Бориславъ, и я, чтобъ отвязаться, сказалъ ей разъ: „да ладно, ладно, еще пару недѣль обождемъ, а потомъ какъ-нибудь устроится“. Вотъ только и разговора было.

— Го, го, го! — гоготали рябочіе. — Ловко ты сказалъ ей! Пару недѣль обождемъ, а потомъ какъ-нибудь устроится. Вотъ такъ — такъ! А черезъ пару недѣль будетъ такой же праздникъ, какъ и теперь.

— Ну, да правда. Вѣдь Богъ не придетъ и не совершить чуда ни для меня, ни для нея. Вѣдь

знаете, что у меня нѣтъ своихъ имѣній—капиталовъ; что заработаю, то и есть.

— Ну, Иванъ, а вѣдь когда-то было,—закинулъ кто-то изъ толпы, ближе знавшій отношенія Ивана.

— Э-э-э! Было, да прошло, да былъ емъ поросло,—сказалъ Иванъ, махнувши рукой. — Что мнѣ съ того, что отецъ былъ богачъ на все село. Я-то что теперь имѣю?

— Развѣ что оскомину!—крикнулъ кто-то изъ компаніи.

— Правильно! Оскомину развѣ. Но оскоминой никто сытъ не будетъ. Ну, а что есть у Фрузи? Она тамъ говоритъ, будто для меня покинула отца и пришла сюда, но я это лучше знаю. Покинула, потому что надо было, потому что дома тѣсно, у отца еще двѣ дѣвки, надо ихъ замужъ выдавать, а нѣтъ ничего. Всего имѣнія-то—двѣ полоски земли, да хатенка. Съ землею еще взялъ бы кто дѣвку, у кого есть немного своей, да еще если дѣвка здоровая и для работы годящая... А ужъ какъ на троихъ дѣлить, на такое никто и не посмотритъ. А коли еще и дѣвка, какъ гусиный духъ, ни до охоты, ни до работы, какъ эта Фрузя. Ну, какая она работница? Можетъ, еще при богатствѣ, если бы нарядить ее и заботиться, какъ о ребенкѣ, можетъ, она и была бы похожа на людей; а при бѣдности, нашему брату жениться на такой,—ужъ лучше камень на шею привязать себѣ, да съ берега въ омутъ.

— Правда, правда, — подтвердили рабочіе, уже не шутя.

Въ этотъ моментъ изъ-за большой печки, находившейся въ углу трактирной комнаты, высунулась блѣдная, съжившаяся фигура, которая, войдя въ трактиръ изъ сѣней задними дверями и никѣмъ не замѣченная среди гама и попойки, уже нѣсколько минутъ сидѣла тамъ. Это была Фрузя. Она тряслась какъ въ лихорадкѣ, ея глаза блестѣли,

губы были почти совсѣмъ бѣлыя и потрескавшіяся отъ жару. Неувѣреннымъ шагомъ, протискиваясь между рабочими, она вышла на средину трактира и, остановившись передъ Иваномъ, поклонилась ему, касаясь рукою земли. Всѣ затихли и съ удивленіемъ смотрѣли на нее.

— Благодарю тебя, Иванъ,—проговорила она,—благодарю за то, что хоть разъ ты искренно и по правдѣ сказалъ то, что думаешь. Теперь я знаю, какая передо мной дорога. Не бойся, твоей дороги я больше не перейду, не буду ни надѣвать тебѣ, ни докучать. Живи себѣ, какъ самъ знаешь, и пусть тебѣ Богъ помогаетъ.

И она еще разъ поклонилась ему. Иванъ сидѣлъ за столомъ, какъ на иглокахъ.

— А то, что ты клялся мнѣ и присягалъ, что возьмешь меня, выкупишь свою землю, снова будешь хозяиномъ,—пусть это Богъ забудетъ. Теперь я знаю, что ты вралъ, но до сихъ поръ я тебѣ вѣрила. Только ты не правду сказалъ, что батюшка мой самъ выгналъ меня въ Бориславъ. Это ты врешь, парень. Батюшка даже не зналъ, куда я дѣвалась. Никто не зналъ. Я только знала, да Богъ, подавшій мнѣ эту мысль, вѣрно, за какіе-то тяжкіе грѣхи. Но когда я узнала, что ты здѣсь, больной, что лежишь въ пустой, холодной конурѣ, что за цѣлый день некому тебѣ воды подать,—тогда что-то кольнуло мнѣ въ сердце: „Вѣдь мы любили другъ друга. Вѣдь женихъ онъ мой передъ Богомъ, хоть и не передъ людьми. И я собралась и пошла сюда. Богу, видно, нужна была зачѣмъ-то моя мука, потому что отмѣрилъ онъ мнѣ полную мѣру ея, а ты сегодня долилъ до верху, перелилъ черезъ край. Еще разъ благодарю тебя. Прощай!

И она въ третій разъ поклонилась ему и вышла.

Послѣ этого неожиданнаго происшествія рабо-

чіе минуту молчали. Но они быстро оправились от волненія. Посыпались грубыя, циничныя шутки.

— Смотри, оса, какъ жалить-то.

— Да это холера, ее дѣвка.

— Въ работѣ мужу не пособить, а своимъ языкомъ и своими слезами сердце истерзаетъ.

— Поди-кось, женись на этакой, больницу готовую дома будешь имѣть!

Одинъ Иванъ молчалъ и сидѣлъ, понутивъ голову.

V.

Выйдя отъ Кирницкаго, Фрузя не останавливаясь, пошла по улицѣ, сама не зная куда и зачѣмъ. Было холодно, темно, мелкій дождь стѣкъ ей глаза, размокшая и грязная улица была похожа скорѣе на одну большую лужу, чѣмъ на улицу. Фрузя шла, насилу вытягивая сапоги изъ липкой грязи, насилу переводя дыханіе. Что-то жгло ея грудь, но на глазахъ не было слезъ, въ головѣ не было мыслей. Только неясное и неопредѣленное чувство: „прочь отсюда. Бѣжать! Спрятаться!“ гнало ее впередъ. Спрятаться, но гдѣ? отъ кого? Она не понимала, что ей хотѣлось спрятаться отъ себя самой, отъ своей боли.

Не прошла она и ста шаговъ, какъ возлѣ нея какъ изъ-подъ земли выросла Ганка. Откуда она взялась? Вѣроятно, слышала Фрузинъ разговоръ и, видя, какъ она одна вышла изъ трактира, незамѣтно собралась и выбѣжала за ней въ догонку. Она такъ неожиданно очутилась рядомъ съ Фрузей, что та, взглянувъ въ сторону, даже испугалась, увидѣвъ ее, вскрикнула и перекрестилась. Ганка тихо засмѣялась.

— Испугалась?—спросила она.—Не бойся, это я, Ганка.

— Чего ты хочешь отъ меня?—съ трудомъ говорила Фрузя.

— Ничего. Иду себѣ по улицѣ. Развѣ нельзя идти рядомъ съ тобой?

— Но вѣдь тебѣ сюда не по дорогѣ.

— А тебѣ? Вѣдь къ своей квартирѣ ты должна была идти въ обратную сторону.

— Мнѣ все равно,—сказала Фрузя.

— Ну, а мнѣ надо туда,—сказала Ганка.

Минуту обѣ шли молча. Кругомъ было пусто, только изъ трактировъ слышны были крики и пѣсни, да черный великанъ Доля шумѣлъ и стоялъ въ осеннюю непогоду.

— А что, надавалъ тебѣ подъ носъ твой Иванъ?—злбно проговорила Ганка.

— А ты этому и рада!

— Я? Мнѣ все равно. Я это давно знала.

— Что знала?

— То, что ты слышала теперь. Что Иванъ не любить тебя, что онъ обманываетъ тебя и не думаетъ на тебѣ жениться.

— Онъ самъ тебѣ говорилъ объ этомъ?

— Ну, а кто жъ другой?

— Значить, онъ тебя любитъ?

— Меня? Я почему знаю. Мнѣ неинтересно.

— А зачѣмъ же ты заигрываешь съ нимъ, цѣпляешься за него, какъ ренейникъ за кожухъ?

— Ха, ха, ха! Мнѣ это и не снилось. Онъ самъ ко мнѣ подмазывается, говоритъ мнѣ всякую всячину, но все это я отлично понимаю.

— Оба вы понимаете другъ друга, какъ лысые кони,—съ презрѣніемъ сказала Фрузя.

— Этакъ и лучше. Я знаю, что если онъ ко мнѣ подлизывается, то имѣетъ въ томъ свою выгоду, а онъ знаетъ, если я ему зубы показываю, то это не отъ большой любви, а такъ же для какой-то выгоды.

— Тфу!—съ сердцемъ сплюнула Фрузя.

— Плюй, не плюй, а я говорю, что такъ лучше. Ты изъ-за большой любви дошла до того, что те-

перъ идешь, не зная куда, а я себѣ сыта, здорова и довольна. И ему тоже этакъ не плохо.

— Ему?

— Да, разумѣется. Вѣдь ты сама видишь, что со мной онъ веселъ, разговариваетъ, шутить, поетъ, а съ тобой все только киснетъ да сердится.

— Ты приворожила его. Дала ему какого-то зелья.

— Нѣтъ, голубушка! Не приворожила я его, а глупая ты и неразумная. Вотъ что! Не умѣешь ты обходиться съ парнями. Ты къ одному привязалась и думаешь,— только и свѣта, что въ окнѣ. Ха, ха, ха! Если бы ты знала, какъ другіе живутъ! какъ устраиваются! Чтобъ я изъ-за него сохла да плакала? О, не дождался бы онъ этого! Пускай онъ сохнетъ изъ-за меня!

— Я не могу такъ.

— А не можешь, то сама на себя пеняй, а не говори, что я его приворожила. Зачѣмъ мнѣ чары? Онъ и безъ чаръ будетъ ночевать у меня этой ночью.

Фрузя даже не вскрикнула при этихъ словахъ, только ухватила руку за сердце, зашаталась и упала бы на землю, если бы Ганка не подхватила ее въ свои объятія.

— Что съ тобой?— вскрикнула она въ первую минуту.—Фрузя, Фрузя!

Но Фрузя не отзывалась. Голова ея свѣсилась черезъ Ганкину руку; она была, какъ мертвая.

— Вотъ тебѣ и на!—проворчала Ганка, держа на своихъ рукахъ обомлѣвшую дѣвушку, какъ кулъ соломы.—Обомлѣла или совсѣмъ конецъ?

Она наклонила голову и прислушалась.

— Не дышетъ, бѣдняжка! И что тутъ съ ней дѣлать? Кричать, можетъ пришелъ бы кто и помогъ привести ее въ чувство?

И Ганка окинула взглядомъ вокругъ себя. Было темно, хоть глазъ выколи. Онѣ зашли въ какую-то боковую улочку. По-близости не было ни дома, ни трактира, ни даже вышекъ, лишь по обѣ стороны лежали высокія кучи ила. Пристально всмот-

рѣвши, Ганка узнала, гдѣ онѣ находятся. Это было то мѣсто, гдѣ когда-то въ первый разъ начали копать ямы. Но вычерпавъ нефть, ямы эти засыпали; работа была перенесена въ другое мѣсто, а здѣсь остались лишь кучи ила и пустыя ямы, однѣ—заложеныя досками, другія такъ и оставленныя, или наполненныя водой.

— И какой чортъ услышитъ меня здѣсь за вѣтромъ? — ворчала Ганка, все еще держа Фрузю на рукахъ.—Да и что я, одурѣла, что ли, чтобы во-звиться тутъ съ ней? Брошу вотъ тутъ среди улицы, пускай сама протрезвится! Смотри, какая быстрая! „Помойница!“—говорить мнѣ. За косы хватаетъ! Ахъ, ты, гусиный духъ! Я тебѣ покажу, кого трогать!

Бѣшеная злость закипѣла вдругъ въ сердцѣ Ганки. Она еще разъ оглядѣлась, насторожилась и, не видя никого, быстро, какъ собака, кинулась съ улицы, и все еще неся впереди себя обомлѣвшую Фрузю, взлѣзла на кучу глины, потомъ еще разъ оглянулась; осторожно слѣзла внизъ, въ воронкообразную долинку, центромъ которой была яма. Ощупывая ногами, она дошла до сруба. Яма была забита двумя досками, но одну кто-то оторвалъ. Ганка нащупала руками отверстіе, сильно рванула другую, давно перегнившую доску, прибитую къ срубу двумя гвоздями, оторвала ее, а потомъ, твердо опершись ногами на край сруба, наклонилась, легонько спустила безчувственную Фрузю со своей руки и спустила ее внизъ головою въ темную пастъ ямы. Яма почти до самаго верху была наполнена водой, такъ что Фрузя даже не сильно ударилась, а тихо, безъ шума, какъ комокъ глины, пошла ко дну.

VI.

— Гдѣ ты, Ганка, шаталась столько времени?—сердито ворчала пани Кирицкая, когда Ган-

да черезъ полчаса, вся мокрая, выпачканная и блѣдная, какъ трупъ, вошла въ кухню.

— Гдѣ таскалась? За водой ходила.

— Врешь, ведра были въ сѣняхъ.

Ганка не пыталась больше вратъ, выбѣжала изъ кухни, схватила ведра и побѣжала за водой. Хозяйка еще немного поворчала и перестала сердиться. Что ей до того, гдѣ гуляетъ Ганка! Она знала, что такъ или иначе, а въ Бориславѣ прислуга не выдержитъ—загуляетъ.

Было уже далеко за полночь, когда рабочіе, пьяные и веселые, выходили отъ Кирницкаго. Они шли толпой серединой улицы, громко разговаривая, гоготали и распѣвали пѣсни. Только Иванъ былъ самъ не свой. Въ этотъ вечеръ онъ мало пилъ, все время сидѣлъ, насупившись, какъ будто думалъ о чемъ-то, и былъ разсѣянъ. Въ его сердцѣ подымалось что-то похожее на тоску по загубленнымъ молодымъ годамъ и утраченной отцовской землѣ, которую онъ легкомысленно спустилъ, попробовавши разгульнаго бориславскаго житья. Фрузины слова дрожали въ его сердцѣ тяжелымъ укоромъ и отбивали у него охоту ѣсть, пить, шутить и пѣть.

— Иванъ сегодня потерялъ аппетитъ, — подсмѣивались надъ нимъ товарищи и отстранялись отъ него.

И теперь онъ безсознательно шелъ одинъ позади другихъ, какъ вдругъ Ганка схватила его за руку. Иванъ даже вздрогнулъ, тѣмъ болѣе, что въ потьмахъ не могъ распознать, кто это уцѣпился за него.

— Ай, ай! Кто это?—вскрикнулъ онъ.

— Это я, Иванъ,—прошептала Ганка.

— Ты? А чего тебѣ?

— Ты сердишься на меня?

— Я? На тебя? За что?

— Ей-Богу, я ни въ чемъ не виновата,—быстро, съ какою-то лихорадочной поспѣшностью шептала

Ганка, не выпуская его руки изъ своей.—Да и зачѣмъ бы я трогала ее? Она сама меня задѣла, первая начала ссору, а потомъ кинулась на меня. Ну, самъ скажи, что я должна была дѣлать?

— Да развѣ я тебѣ говорю что-нибудь? — мрачно отвѣтилъ Иванъ

— Ваничка,—говорила Ганка задыхаясь, — какой ты добрый! Такъ ты не сердишься на меня? А отчего же ты такой грустный сидѣлъ въ трактирѣ, словно самъ не свой? Ну, скажи мнѣ?

Она шла рядомъ съ нимъ, держа его за руку, прижимаясь къ нему, какъ бы боясь темноты и одиночества.

— Эхъ, что тамъ говорить,—отвѣтилъ Иванъ и хотѣлъ вырвать у нея руку.

— Нѣтъ, нѣтъ! Подожди! Куда идешь?—спросила Ганка.

— Да иду къ себѣ, спать.

— Пойдемъ ко мнѣ. У меня тебѣ будетъ лучше.

— Не хочу.

— Да пойдемъ! Не бойся, у меня безопасно.

— Не хочу!

Иванъ уже однажды ночевалъ у Ганки. Она спала отдѣльно, въ присѣнникѣ амбара, служившаго Кирницкому складомъ для товаровъ. Тамъ, среди тюковъ и мѣховъ, стояла широкая кровать; Ганка имѣла пару своихъ подушекъ и теплое одѣяло, и хотя въ присѣнникѣ не топилося, но все-таки тамъ было теплѣе, чѣмъ въ томъ сараѣ, гдѣ ночевалъ Иванъ и другіе рабочіе. Но сегодня ему почему-то не хотѣлось итти къ Ганкѣ. Измученное, блѣдное Фрузино лицо какъ бы стояло передъ нимъ, ея глаза какъ бы умоляли его, какъ бы на что-то жаловались.

Но Ганка не выпускала его руки; она обняла его станъ, тянула его, просила и умоляла итти съ ней.

— Ваничка! Голубчикъ! сдѣлай это для меня! Только сегодня! Не знаю, что со мной, но боюсь,

страшно боюсь остаться одна. Да нѣтъ, я не пущу тебя, не останусь одна! Пойдемъ, пойдемъ!

При одномъ воспоминаніи объ одиночествѣ она дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

— Оставь! — сказалъ Иванъ. — Да что ты, маленькая что ли! Боишься одна почевать! Вотъ еще!

— Ой, боюсь! Ой, боюсь! Ни за что на свѣтъ не останусь одна этой ночью. Хоть бей меня, хоть рѣжь меня, но я не останусь безъ тебя. Если не хочешь ко мнѣ, я пойду съ тобой туда, гдѣ ты ночуешь.

— Что ты, сдурѣла? Тамъ куча парней.

— А мнѣ что до того! Я ихъ не боюсь, только одиночества боюсь... темноты боюсь... ея боюсь...

— Кого?

— Той... твоей... какъ она тебѣ кланялась! Ты видѣлъ ея лицо, когда она выходила изъ трактира?

Напоминаніе о Фрузѣ въ Ганкиныхъ устахъ укололо Ивана въ самое сердце, какъ грубое прикосновеніе къ наболѣвшему мѣсту.

— Оставь меня въ покоѣ! Не напоминай мнѣ о ней! — сказалъ онъ и, уступая ея просьбѣ, пошелъ съ ней въ ея каморку. Ганка не то вела, не то тащила его, не выпуская изъ рукъ, не переставая говорить и дрожать.

— Да что съ тобой, дѣвка? — спросилъ, наконецъ, Иванъ. — Промокла ты или простудилась? Лихорадка тебя бьетъ или ты совсѣмъ больная? Дрожишь, какъ рыба, руки, какъ ледъ, холодныя, а голова горячая и говоришь, какъ сама не своя.

— Да ничего, Ваничка, ничего! Только идемъ, ляжемъ спать, проснимся, все пройдетъ.

Но оно не прошло, во всякомъ случаѣ, не прошло такъ быстро, какъ того хотѣлось Ганкѣ. Напрасно она прижималась къ Ивану. Лишь только онъ засыпалъ, ей дѣлалось страшно, и она будила его.

— Ваничка, не спи! Говори мнѣ что-нибудь! — шептала она, зажмуривая глаза, чтобы не смотрѣть въ грозную темноту.

— Рехнулась ты?—ругался Иванъ.—Я усталъ, спать хочу. О чемъ мнѣ говорить съ тобой?

— Что-нибудь! Что-нибудь! Только не спи! Мнѣ такъ страшно.

— Чего боишься?

— Не знаю чего. Боюсь... не знаю чего. Не могу заснуть.

Она заплакала. Ей хотѣлось все сказать Ивану, но что-то удерживало ее, и она стискивала зубы, грызла до крови свои губы и ничего не сказала. Только подь утро, когда на дворѣ начало сѣрѣть, она заснула.

VII.

Прошло нѣсколько дней, Иванъ работалъ, пилъ, пѣлъ въ трактирѣ, ночевалъ у Ганки, не думая о Фрузѣ. Ганка успокоилась и уже не боялась по ночамъ, но все же не рѣшалась спать одна и потому каждый вечеръ всякими способами задобривала Ивана, чтобы завлечь его къ себѣ на ночь. Иванъ, который раньше самъ не разъ напрашивался къ ней, теперь шелъ неохотно,—чувствовалъ къ ней какое-то отвращеніе. Его раздражало, когда она прижималась къ нему, онъ бранился, если она начинала заигрывать съ нимъ, и съ омерзѣніемъ отодвигался отъ нея, когда она спала рядомъ съ нимъ. Скоро эти ночевки еще больше опротивѣли ему. Ганка быстро засыпала, но ночью начинала стонать, охать или такъ страшно вскрикивала, что Иванъ просыпался и начиналъ чувствовать какую-то глухую тревогу.

— Что такое ей снится? Чего она такъ кричить?—думалъ онъ, прислушиваясь къ ея тяжелому дыханію послѣ такого крика. Но потомъ она спала спокойно, а когда Иванъ, намучившись съ полчаса, снова начиналъ дремать, надъ ухомъ у него опять раздавался страшный крикъ и снова его будилъ.

— Ганка, какой чортъ давить тебя во снѣ, что ты такъ страшно кричишь?

— Я? — говорила, вздрагивая, Ганка и стискивала зубы. — Я ничего не знаю.

— Ну, такъ въ другой разъ песь пускай почуветь у тебя, а не я! — ворчалъ онъ злобно. — Какъ закричишь вотъ такъ не своимъ голосомъ, то совѣмъ сонъ отъ меня отгоняешь.

Ганка гоготала не своимъ голосомъ.

— Го, го, го! Ну, ну, Ваничка, ну, скажи, какъ я кричу?

— Такъ, будто кожу съ тебя сдирають.

— Ну, и что говорю?

— Да развѣ можно что-нибудь разобрать? Ревешь, какъ скотина.

— Да это я такъ отъ рожденія.

— Ну, врешь. Я раньше не слышалъ у тебя такого крика.

— Это такъ временами находить на меня а потомъ проходить. Только не бойся, Ваничка, это пройдетъ.

— Пусть проходить или не проходить а меня, не заманишь больше на ночь въ свою проклятую каморку.

— Ну, вотъ, ты уже и сердишься. Не хорошо, Иванъ! — говорила Ганка, а вечеромъ снова ластилась къ нему, просила, покупала ему пива и водки, пока опьянѣвшій Иванъ снова не соглашался идти къ ней ночевать. Когда онъ бывалъ сильно пьянъ, онъ спалъ крѣпче и не просыпался отъ ея криковъ. Поэтому Ганка стала сильно опивать его и даже въ каморку брала съ собой бутылку водки и клала ее Ивану подъ подушку: когда проснется, пусть только протянетъ руку подъ подушку, напьется и снова заснетъ. Правда, послѣ такой ночевки Иванъ вставалъ блѣдный, почти зеленый, съ болью въ головѣ, но Ганку это не тревожило, да и самъ онъ не имѣлъ времени смотрѣться въ зеркало; уныло повѣсивъ голову,

шелъ онъ на работу. Только одно было замѣтно по его лицу: онъ сдѣлался грустный, исчезла его веселость, пропала охота къ пѣснямъ и шуткамъ.

— Эхъ, Иванъ, ты что-то самъ не свой,—говорили ему товарищи.

— Да что-то такъ,—отвѣчалъ Иванъ мрачно.

— Что съ тобой? Не боленъ ли ты?

— Кажется, нѣтъ. По утрамъ болитъ голова, но это, вѣрно, отъ водки.

— Э, нѣтъ, отъ одной водки болѣть не будетъ. А вотъ если ты пиво мѣшаешь съ водкой, то скверно. Отъ этого скорѣе всего заболитъ голова.

— Да, правда, можетъ, оно и отъ этого. Ужъ больше не буду мѣшать.

VIII.

Однажды въ полдень, когда Ивана вытянули изъ ямы и онъ, чуть живой отъ нефтяного газа, лежалъ подъ вышкой на кучѣ ила, тяжело дышалъ и время отъ времени отрезвлялся рюмкой водки, подъ вышку вошла старуха Арина, та самая работница, что почевала вмѣстѣ съ Фрузей и будто дремала днемъ, а оживлялась ночью, во снѣ. Она знала Фрузину исторію, знала и Ивана, а потому, поздоровавшись съ рабочими, пошла прямо къ нему.

— Слушай, Иванъ,—сказала она. — Ты не знаешь, гдѣ находится твоя Фрузя?

— Моя?—буркнулъ Иванъ—Какая она моя?

— Да ужъ какая ни на есть. Ужъ, вѣрно, больше твоя, чѣмъ моя. Но я хотѣла спросить тебя, гдѣ она?

— Развѣ я хожу слѣдомъ за нею?

— Эхъ, какой же ты! Я тебя, какъ добраго человека спрашиваю... Ты старухѣ вѣжливо отвѣчай, да водкой попотчуй

Иванъ, не говоря ни слова, налилъ рюмку и подалъ старухѣ. Она выпила, скривила увядшія губы, вытерла ихъ грязнымъ рукавомъ и, подсаживаясь ближе къ Ивану, тихо заговорила.

— Вотъ за это спасибо! Просто въ самую душу пошло. Но что я хотѣла сказать?.. Ага, про Фрузю. Знаешь, уже двѣ недѣли, какъ она не почуветь у насъ. Я думала, можетъ, вы уже вмѣстѣ куда перебрались, и хотѣла передать ей, чтобы она забрала свое бѣлье. Тамъ у ней сундучекъ съ бѣльемъ—запертый, не бойся. И никто у нея ничего не трогаль, Боже сохрани! Такъ пусть придетъ и заберетъ съ собой.

Иванъ сидѣлъ, какъ ошеломленный. Одурманилъ ли его такъ нефтяной газъ въ ямѣ, или утренняя боль въ головѣ, или то, что онъ услышалъ отъ старухи,—только онъ какъ будто ничего не понималъ и слушалъ разговоръ старухи, какъ какую-то сказку.

— Ага, ага!—буркнулъ онъ, кивая головой. — Да, правда, пусть бы забрала себѣ. Но гдѣ же она?

— Такъ ты не знаешь?

— Я не видалъ ее уже больше двухъ недѣль.

— И не знаешь, куда она ушла?

— Куда ушла? Постойте! Это было вечеромъ... у Кирницкаго... мы немного повздорили... она вышла изъ трактира, и больше я уже не видалъ ея.

— А въ какой же день это было?

Иванъ не могъ припомнить дня.

— Ну, если вы повздорили, то, можетъ, она разсердилась и стала на работу гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, чтобы тебѣ на глаза не показываться. И почуветь гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, чтобы ты не зналъ, гдѣ она. Но ты бы, паренекъ, все-таки искалъ ее, а то тамъ сторожъ, гдѣ мы ночуемъ, требуетъ за нее плату. А мы за нее платить не будемъ. Такъ вотъ, какъ бы не заграбасталъ онъ ея вещи.

— Хорошо, хорошо, я спрашу... какъ-нибудь навѣдаюсь къ вамъ.

Старуха ушла, а Иванъ долго еще сидѣлъ, не то о чемъ-то раздумывая, не то погрузившись въ забытѣ. Потомъ принялся ѣсть, такъ какъ скоро опять нужно было лѣзть въ яму.

Вечеромъ онъ спросилъ у Ганки, не знаетъ ли она, куда исчезла Фрузя. Ганка вытаращила на него свои глаза, страшно поблѣднѣла и, какъ бы давясь своими словами, пробормотала:

— Нѣтъ, не знаю.

Иванъ больше не допытывался у нея, разспросы у другихъ рабочихъ такъ же ни къ чему не привели. Съ того дня, какъ Фрузя подралась съ Ганкой на улицѣ, Фрузи больше никто не видѣлъ. Это воспоминаніе укололо Ивана. Дѣйствительно, въ тотъ самый день вечеромъ онъ „повздорилъ“ съ Фрузей въ трактирѣ. Онъ еще разъ спросилъ у Ганки:

— Слышишь, Ганка, ты ссорилась съ Фрузей на улицѣ, помнишь?

— Ну, да. Она первая задѣла меня.

— Вечеромъ того же дня она была у Кирницкаго.

— Я ея не видала.

— Не видала? Эй, говори правду?]

Ганка снова поблѣднѣла, но быстро овладѣла собой.

— Чего ты ко мнѣ пристаешь?

— Да вотъ, видишь, съ того вечера дѣвчонка куда-то исчезла.

— А ты безъ нея дышать не можешь?

— Да мнѣ что до нея! Но...

— Исчезла, ну, и слава Богу! Не бойся, чортъ ее не взялъ. Увидѣла, что на шею тебѣ не повѣсится, ну, и пошла домой.

— Но всѣ свои вещи оставила.

— Ну, такъ что жъ! Сколько тамъ ея вещей! Всего на полторы шистки.

— Э, нѣтъ, тамъ ея одежда.

— Ну, такъ, вѣрно, объявится.

Иванъ немного успокоился. Въ самомъ дѣлѣ, весьма возможно, что Фрузя разсердилась и въ тотъ же вечеръ, выйдя отъ Кирницкаго, покинула Бориславъ и пошла домой. Онъ больше не разспрашивалъ о ней, а въ воскресенье пошелъ къ сторожу, гдѣ была ея квартира, и, заплативъ, что слѣдовало, взялъ Фрузины вещи къ себѣ. Онъ рѣшилъ на рождественскія святки сходить въ родное село и отнести ей эти вещи. Онъ не то чтобы хотѣлъ видѣть ее или примириться съ ней, а просто въ тѣ нѣсколько дней, когда разспрашивалъ о Фрузѣ, чувствовалъ какую-то опасность и тревогу, словно дѣйствительно былъ въ чемъ-то виноватъ. Бориславская жизнь скоро заглушила этотъ минутный порывъ. Ни Ганка, никто другой никогда не вспоминали о Фрузѣ, и Иванъ тоже забылъ про нее. Но все-таки его какъ будто мучило что-то. Онъ ходилъ какой-то самъ не свой, потерялъ охоту къ водкѣ, къ кутежамъ и къ пѣснямъ и—неслыханная вещь среди рабочихъ на промыслахъ—началъ беречь деньги. Сразу же на слѣдующую недѣлю онъ израсходовалъ лишь половину своего заработка; цѣлая пятка ¹⁾ осталась у него въ карманѣ. Она, какъ червякъ, начала мутить и тревожить его воображеніе. Нося при себѣ эту пятерку, завязанную въ тряпку, онъ началъ строить планы. Бориславское житъе — правда, вольное, но развѣ жъ это человѣческое житъе? Да и какое оно вольное? Только и воли твоей, что въ воскресенье, да въ праздникъ. А въ будни ты—рабочій волъ, нѣтъ, хуже! Ты настоящій рабъ еврея, владѣльца ямы или его приказчика. Подъ землей каждую минуту жизнь твоя въ опасности, а наверху постоянная ругань, подхлестываніе, понукиваніе. И вѣчно этотъ

1) Пятка — 5 гульденовъ; гульденъ — 80 коп.

смердь, эта грязь, эта духота, это пьянство, этот дурманъ! Неужели же его жизнь будетъ такой до смерти, до старости? Морозъ пробѣгалъ у него по спинѣ при этой мысли. Ему вспомнились зеленныя явны, цвѣтистыя луга, сѣрые волю, чисто выбѣленные хатки и прелестныя садики его родного **села**, послышалось блеяніе овецъ, гоготанье гусей, скрипъ журавля, и онъ чуть было не заплакалъ отъ внезапнаго волненія. Неужели онъ могъ такъ легкомысленно промѣнять такой рай на это цекло? И въ его воображеніи одна за другой потянулись сцены изъ сельской жизни: покрикивають пахари, скрипятъ нагруженные сноцами возы, сверкають косы на лугу, и съ легкимъ шумомъ ложится въ полосы росистая трава; семья садится за ужинъ въ святой вечеръ на душистомъ сѣнѣ; слышны стрѣльба, веселые голоса „Христось Воскресе!“ церковное пѣніе... „Пасха красная, Пасха Господня!“ — это пасхи освѣщаютъ около церкви, дѣтвора играетъ пи-санками, парни столпились возлѣ стрѣляющихъ изъ самопаловъ.

И непосредственно отъ этихъ воспоминаній душа его переносилась къ мысли о Фрузѣ. Вѣдь она была тоже одной изъ приманокъ и прелестей его сельской жизни. Если въ его памяти такъ пріятно отзывается теперь скрипъ журавля надъ колодцемъ, то это потому, что подъ тѣмъ журавлемъ онъ простаивалъ съ нею цѣлыя вечера, любовно разговаривая. А во время покоса,нося отцу завтракъ, развѣ она не выискивала самой дальней тропинки, лишь бы только переходить черезъ тотъ лугъ, гдѣ онъ косилъ, чтобы сказать ему своимъ милымъ голосомъ: „Богъ въ помощь!“ чтобы подать ему напитокъ холодной воды изъ сѣраго глинянаго кувшина! А во время колядокъ... а во время пасхальныхъ праздниковъ... а тогда... а тогда... Неугомонное воображеніе воскрешало въ его памяти сотни, тысячи

моментовъ, когда Фрузя была неотдѣлима отъ радостей его сельской жизни и въ его сердцѣ что-то щемило, шевелилось сожалѣніе, подымалась тоска. Она была права! Я долженъ какъ можно скорѣе бросить Бориславъ и вернуться назадъ въ село! Правда, онъ въ несчастномъ ослѣпленіи загубилъ свое отцовское наслѣдство, растратилъ свой тихій рай, оттолкнулъ отъ себя Фрузю. Но вѣдь онъ молодъ, силенъ, здоровъ и можетъ еще все вернуть назадъ. Вотъ теперь за недѣлю онъ сберегъ пятку. А вѣдь могъ сберечь восемь гульденовъ! А за годъ, значить, цѣлыхъ четыре сотни! За четыре сотни можно купить четыре морга земли. И онъ рѣшилъ, никому ничего не говоря, начать новую жизнь, не разбрасывать денегъ, а копить заработанное, а тамъ — чтонибудь выйдетъ.

IX.

На рождественскіе праздники Иванъ дѣйствительно выбрался въ родное село. За пазухой несъ онъ завязанные въ тряпку 50 гульденовъ, а въ головѣ — созрѣвшій планъ: выкупить хоть часть отцовской земли.

Зашелъ прямо къ еврею, которому продалъ отцовскую хату съ огородомъ, садомъ и тремя моргами прилегающей земли. Еврей купилъ это добро не затѣмъ, чтобы хозяйничать, но потому, что имѣлъ намѣреніе открыть въ хатѣ трактиръ и вмѣстѣ съ тѣмъ заняться еще ростовщичествомъ и инымъ еврейскимъ ремесломъ. Но въ этомъ ему какъ-то не повезло. Въ селѣ было уже четыре трактира и на пятый трудно было получить концессию. Скверно шло дѣло также и съ ростовщичествомъ, потому что было уже нѣсколько другихъ піявокъ, „портившихъ интересъ“. Въ добавокъ еще еврея обокрали, такъ что онъ вмѣсто того чтобы разбогатѣть, совсѣмъ обѣднѣлъ на этой усадьбѣ. „Несчастное мѣсто“, — говорилъ онъ и носился

съ мыслью продать это мѣсто и перейти куда-нибудь на другое. Поэтому-то и неудивительно, что Иванъ со своимъ планомъ выкупить отцовское хозяйство былъ для него очень пріятнымъ гостемъ, особенно когда пришелъ не съ пустыми руками. И они сговорились, что Иванъ за всю усадьбу, проданную еврею за 300 гульденовъ, заплатитъ 400 гульденовъ въ теченіе полутора года и, пока не выплатитъ всего, еврей будетъ владѣть усадьбой. На другой день Иванъ съ евреемъ повѣхалъ въ городъ, заключили у нотаріуса контрактъ, и сейчасъ же Иванъ далъ еврею первую часть денегъ — 50 гульденовъ и только тогда вздохнулъ свободнѣе. Теперь онъ имѣлъ передъ собою цѣль и чувствовалъ охоту къ работѣ, чувствовалъ какую-то новую силу.

О Фрузѣ въ эти дни онъ мало думалъ. Отъ еврея онъ узналъ, что въ селѣ ея нѣтъ и не было и что отецъ ея, разузнавъ недавно, что нѣтъ ея и въ Бориславѣ, ходилъ въ жандармерію, чтобы разыскивала ее, но до сихъ поръ нѣтъ никакихъ результатовъ. Ивану было непріятно, онъ не имѣлъ охоты встрѣчаться со старикомъ и, не заѣзжая въ свое село, онъ прямо изъ города двинулся назадъ въ Бориславъ, передавъ старику Фрузины вещи.

Х.

Шли дни за днями, недѣли за недѣлями. Жандармы разспрашивали про Фрузю и у Ивана, и у Ганки, и у другихъ рабочихъ и работницъ, вывѣдали все, что было—вплоть до памятнаго вечера, но дальше ничего не могли разузнать, и черезъ нѣсколько дней все утихло. Неизвѣстно, кто пустилъ слухъ, что Фрузя пошла куда-то на службу: одни видѣли ее въ городѣ у какого-то еврея, другіе слышали, что она гдѣ-то въ горахъ, въ какой-то швабской колоніи, а иные говорили, что вы-

ѣхала съ какими-то панями въ Стрій или въ Станиславовъ. На этомъ какъ-то и успокоились.

Съ Ганкой Иванъ разошелся еще передъ Рождествомъ. Не то, чтобы поссорились, но она просто какъ-то надоѣла ему, перестала нравиться, и онъ не могъ на нее смотрѣть. Сначала она была къ этому равнодушна. „Такъ вотъ какъ! Не хочетъ меня Иванъ, не велика бѣда! Меньше хлопотъ на мою голову. До сихъ поръ жила одна и управлялась, и дальше такъ сумѣю“. Но черезъ нѣсколько недѣль она поблѣднѣла, пожелтѣла, подурнѣла. Снова ее одолѣлъ страхъ, она не могла одна спать, вскакивала ночью и кричала. Наконецъ, однажды она попросила старуху Арину, ту самую, которая жила вмѣстѣ съ Фрузей, чтобы освободила ее отъ страха. Старуха славилась, какъ ворожея и знахарка. Она согласилась это сдѣлать и осторожно стала выпытывать у Ганки, съ какихъ поръ у нея этотъ „переполохъ“, отчего, какъ. Ганка сразу призналась, что отъ Покрова, (въ то время исчезла Фрузя), но больше ничего не хотѣла сказать. Старуха начала шептать надъ водой, растопила кусокъ олова и вылила его надъ Ганкиной головой въ миску съ водой, а потомъ, заглянувъ въ миску, вскрикнула:

— О, дѣвонька! Несчастная ты, сирота! Никто тебѣ не поможетъ!

Ганка остолебнѣла отъ страху.

— А что такое?

— Смотри, голубушка! Олово рассыпалось въ водѣ мелкимъ пескомъ.

— А что жъ это значить?

— Э, что тамъ рассказывать! Объ этомъ въ хатѣ и вспоминать-то не годится.

Ганка больше не допытывалась, но старуха не уходила, а все всматривалась въ миску съ водой и рассыпавшимся оловомъ, покачивала головой, шевелила увядшими губами, какъ бы съ кѣмъ-то беззвучно разговаривая. Глядя на нее, Ганка по-

чувствовала въ сердцѣ холодный ужасъ; ей казалось, что старуха разговариваетъ съ какимъ-то привидѣніемъ, что своими полупотухшими глазами заглядываетъ ей въ душу и читаетъ тамъ ея страшную тайну. Она схватила стоявшую передъ старухой миску съ водой и выбросила ее черезъ окно въ помойную яму. Старуха спокойно смотрѣла на нее и такъ же беззвучно усмѣхалась.

— Не хорошо съ тобой, дѣвонька, не хорошо!— говорила она. — Это у тебя не испугъ, голубушка, нѣ-ѣ-ѣ-ть...

— А что жъ такое?

— На сердцѣ у тебя лежитъ что-то, дѣвонька. Ой, правда, правда. Я это вижу. И не будетъ тебѣ легче, пока не признаешься.

Ганка вспыхнула.

— Что ты говоришь, старуха! Въ чемъ мнѣ признаваться? Что я, убила кого, или обокрала, или что?

— Развѣ я знаю,—сказала старуха, пожимая плечами.— Не мое дѣло, сирота, не мое дѣло. Я тебѣ не изъ своей головы говорю, а то, что водица святая показываетъ. А ты какъ знаешь, такъ и поступай.

Старуха собиралась уходить. Ганка чувствовала, что послѣ этого безпокойство ея еще больше усилится и что теперь она ни за что не заснетъ одна. И она рѣшила попросить старуху, чтобы та перебралась къ ней (у нея уже была своя отдѣльная каморка съ печкой и кроватью) и ночевала вмѣстѣ съ пей. Старуха стала отказываться, но Ганка не отставала отъ нея и въ концѣ-концовъ старуха согласилась перебраться къ ней еще въ тотъ же день.

XI.

Не иначе, какъ заколдовалъ кто-то Ивана. И не узнать парня. Ни слова отъ него, ни полслова не услышишь. Живетъ, какъ медвѣдь въ берлогѣ, въ

трактиръ не ходить, пить не пьеть, все что-то думаетъ, что-то бурчить, а скупой какой! На себя самого жалѣть. Живетъ, какъ собака, не дружится ни съ кѣмъ, замкнулся самъ въ себѣ, какъ улитка въ раковинѣ. Какой прежде былъ охотникъ до гульбищъ, до пѣсенъ, до дѣвчатъ, а теперь его не узнаешь! Не иначе, какъ заморозили!

Такъ не разъ говорили между собой рабочіе. Они всячески подходили къ Ивану: и искренно, и съ насмѣшками, и съ шутками, и серьезно—ничто не помогало.

— Этъ, оставьте меня въ покоѣ! Что вы понимаете? У васъ свое въ головѣ, а у меня свое. — Вотъ и весь отвѣтъ, какой они отъ него слышали.

И они отходили, пожимая плечами. Одни говорили, что онъ задумалъ жениться, другіе утверждали, что онъ продалъ было душу нечистому, а теперь раскаивается, но Иванъ ко всему этому относился безразлично.

Наконецъ, откуда-то узнали, что онъ собирается выкупить отцовскую землю. Самъ Иванъ никому не говорилъ про это, но кто-то изъ его земляковъ принесъ эту вѣсть въ Бориславъ.

— Ага! Вотъ на что онъ деньги копить! Погоди жъ ты! А отъ насъ скрываетъ, какъ Богъ вѣсть какой секретъ!

Вскорѣ послѣ этого надъ Иваномъ подшутили: ночью у него украли деньги. Не много тамъ и денегъ-то было, что-то около восьми гульденовъ, а все же жалко. Иванъ поднялъ крикъ, но деньги пропали.

— Я слышалъ, васъ, Иванъ, обокрали, — обратился къ нему приказчикъ.

— Гм,—буркнулъ Иванъ.

— Слышалъ, вы копите деньги, хотите землицы купить,—продолжалъ приказчикъ.

— Да, хочу.

— Это очень хорошо! Помогай вамъ Богъ. Я-то вижу, что вы порядочный человѣкъ. Деньги, это—

великое дѣло. Заработать ихъ тяжело, а спустить легко. А зарабатывать на то, чтобы пускать на вѣтеръ, очень глупая работа. Это все равно, какъ если бы кто жизнь свою, силу свою пускалъ по вѣтру. Зачѣмъ это? Вѣдь придетъ потомъ старость, придетъ слабость — все деньги пригодятся.

Приказчикъ говорилъ разумно—искренній былъ человѣкъ, и Иванъ, наконецъ, подѣлился съ нимъ своими мыслями. Приказчикъ очень хвалилъ его, а потомъ сказалъ:

— Я вамъ кое-что скажу, Ваня. Зачѣмъ вамъ носить деньги при себѣ, чтобы у васъ ихъ пьяницы крали? Вы ихъ оставляйте у меня. Сдѣлайте себѣ книжечку. При каждой получкѣ я дамъ вамъ, сколько вамъ нужно, а остатокъ пусть лежитъ въ кассѣ: я запишу у себя, а вы у себя, чтобы не было ошибки; а когда вамъ нужно будетъ платить за землю, скажите мнѣ, и я вамъ тотчасъ же выдамъ. Деньги будутъ въ безопасности, никто у васъ ихъ не украдетъ.

Иванъ сразу не рѣшался. Хотя еврей и разумно говорить, а все же еврей остается евреемъ, вѣрить ему нельзя. Но съ другой стороны, иного выхода нѣтъ. Украли деньги одинъ разъ—украдутъ и въ другой. Лучше сдѣлать такъ, какъ совѣтовалъ приказчикъ. И Иванъ согласился.

Слава Богу, не было на что жаловаться. Какъ только набиралось 50 гульденовъ, онъ сейчасъ же забиралъ ихъ, и приказчикъ къ тому же посовѣтовалъ ему посылать деньги почтовымъ переводомъ, и не еврею, а на имя нотариуса, у котораго заключенъ контрактъ.

Иванъ былъ доволенъ собой и приказчикомъ, былъ почти увѣренъ, что все у него пойдетъ хорошо. Вѣдь еще только заговѣнье, а онъ уже выплатилъ четвертую часть цѣны!

Теперь онъ жилъ почти исключительно мыслями въ своемъ селѣ. Крутилъ ли корбу, копалъ ли

землю въ глубокой ямѣ или въ темной штольнѣ — мыслями онъ купался въ ясномъ солнечномъ свѣтѣ, пахалъ, косилъ, возилъ снопы, молотилъ на току, чувствовалъ себя хлѣбопашцемъ. Бориславская жизнь была для него какъ бы темными снѣгами, изъ которыхъ онъ вотъ-вотъ выйдетъ на широкое, ясное подворье, гдѣ зеленѣетъ пахучая мурава, цвѣтутъ яблони, гогочутъ гуси и блеютъ ягнята.

XII.

На первой недѣлѣ Великаго поста пріѣхалъ въ Бориславъ Фрузинъ отецъ. Онъ разузналъ, гдѣ работаетъ Иванъ, и пошелъ къ нему.

— Иванъ, гдѣ моя дочь? — съ такими словами обратился онъ къ нему. Онъ сильно постарѣлъ съ того времени, какъ Иванъ видѣлъ его; осунулся, поскѣдѣлъ. Ивану стало очень жаль старика.

— Не знаю, — отвѣтилъ онъ.

— Не знаешь? Долженъ знать. Ты ее подговорилъ, чтобы шла за тобой въ Бориславъ, ты долженъ знать, гдѣ она.

— Пока была въ Бориславѣ, я и зналъ, а съ тѣхъ поръ, какъ ушла — не знаю.

— Куда ушла?

— Не знаю, куда ушла. Я думалъ, что ушла къ вамъ. А, можетъ, стала гдѣ-нибудь на службу.

— Нигдѣ не стала. Я уже разспрашивалъ. Жандармы искали, телеграфировали и въ Стрій, и въ Станиславовъ. Въ Дрогобычѣ я велѣлъ трубить на площадяхъ. Нигдѣ ея нѣтъ. Теперь пришелъ къ тебѣ: отдай мнѣ мое дитя.

— Я ее не схоронилъ, — спокойно отвѣтилъ Иванъ.

— Не схоронилъ, а загубилъ, — грозно крикнулъ отецъ. — Ты убилъ ее. Она, говорятъ, была тяжела отъ тебя. Ты хотѣлъ избавиться. Ты убилъ ее!

— Богъ мнѣ свидѣтель, что нѣтъ, — сказалъ Иванъ и поблѣднѣлъ, какъ стѣна.

— Хоть ты сто чертей призывай себѣ въ свидѣтели, я тебѣ не повѣрю.

— Ну, такъ дѣлайте, что хотите. Хоть вѣшайте меня, я лишь одно буду говорить вамъ: не знаю, куда она дѣлась.

Старикъ повемногу смягчился, началъ плакать и рвать на себѣ волосы. Собрались рабочіе, приказчики, начали его утѣшать.

Ему рассказывали про тотъ вечеръ у Кирницкаго, когда въ послѣдній разъ видѣли Фрузя, про разговоръ ея съ Иваномъ, про то, какъ ушла она куда-то прямо изъ трактира и какъ долго еще, до самой полуночи, Иванъ сидѣлъ въ трактирѣ. Приказчикъ хвалилъ Ивана, какъ хорошаго работника, не пьющаго, не гулящаго, и въ концѣ-концовъ старикъ не зналъ, что ему думать. Въ Дрогобычѣ онъ настаивалъ, чтобы жандармы немедленно арестовали Ивана, но теперь началъ думать иначе. Арестовать парня — не штука, но будетъ ли это по правдѣ? А что, если Фрузя, разсердившись, ушла куда-нибудь въ горы, стала на службу и умышленно не даетъ о себѣ вѣсти, потому что стыдится. Все это можетъ быть, и сами жандармы говорили ему, чтобы онъ не терялъ надежды. Подозрѣвать кого-либо въ убійствѣ — не шутка. Другое дѣло, если бы нашелся какой-нибудь хоть незначительный слѣдъ, что Фрузя дѣйствительно убита. Но до сихъ поръ такого слѣда не было.

Съ тѣмъ и поѣхалъ Фрузинъ отецъ домой, все дѣло передавъ въ руки Бога.

XIII.

Минули пасхальные праздники. Потеплѣло. Въ долинахъ цвѣла, благоухала и красовалась весна, хотя съ Дола еще вѣяло холодомъ. Бориславъ

имѣгъ видѣ одной сплошной и бездонной лужи, размокшей глины, разболтанной грязи, смѣшанной съ нефтью, какого-то озера смрадныхъ нечистотъ среди зеленаго Подгорья.

Была суббота. Солнце смѣялось на чистомъ безоблачномъ небѣ. По сухому, безлюдному мѣсту, по тропинкѣ между Бориславомъ и Котовской Баней прохаживались два приказчика въ субботнихъ бекешахъ и куньихъ „штрамеле“ на головахъ и разговаривали по-еврейски.

— Хлопоты имѣю, Мендель, такіе хлопоты, что даже мозгъ въ головѣ сохнетъ, — сказалъ одинъ приказчикъ.

— Изъ-за того гоя ¹⁾, что упалъ въ яму?

— И это тоже. Чортъ понесъ его пьянаго къ вышкѣ! И чортъ его толкнулъ въ середину!

— Была комиссія?

— Была.

— Ну и что жъ?

— Наложили на меня 20 гульденовъ штрафу.

— За что, Хаимъ, за что?

— За неосторожность. Я неостороженъ. Я не доглядѣлъ гоя! Слыхалъ ли ты подобную вещь? Я долженъ былъ смотрѣть за нимъ, какъ за малымъ ребенкомъ. Да еще счастье, что такъ случилось. Счастье, что другіе гои показали, что онъ самъ полѣзъ въ яму и самъ упалъ. Если бы не было свидѣтелей, адъюнктъ навѣрно сказалъ бы, что кто-то умышленно бросилъ его въ яму.

— Строгій адъюнктъ?..

— Такой строгій пурецъ, такой острый, что не дай Богъ! Уже хотѣлъ запечатывать яму и арестовать кого-то.

— Это тотъ, новый пурецъ?

— Новый. Я уже дрожалъ, Мендель, такъ дрожалъ! И Богу молился, чтобъ отвратилъ отъ меня напасть!

---

¹⁾ Гой—христіанинъ.

— Охъ, охъ! Богъ милостивъ, Хаимъ! За что посылать такую напасть на невиннаго человѣка!

— Охъ, не говори такъ, Мендель! Бога не поймешь! А за что онъ послалъ на меня такой убытокъ? Ты слышалъ? У меня на складѣ—а вѣдь это же самое меньшее 50 гульденовъ! А кто виновать? Неизвѣстно. А кто долженъ заплатить? Хаимъ!

— Нѣтъ, я ничего не слыхалъ. Что случилось?

— Мой рабочій купилъ два новыхъ каната и вмѣстѣ съ другими вещами передалъ мнѣ на складъ. Ну, я положилъ ихъ на мѣсто. И чортъ его видѣлъ, что на той самой полкѣ стояла бутылъ съ сѣрной кислотой, знаешь, сѣрная кислота нужна ему для фильтра... Большую часть бутылки я отдалъ туда, а остатокъ былъ на складѣ. Немного ея было, можетъ полъ-литра, а можетъ и того не было. Стоить себѣ бутылъ, заткнутая стеклянной пробкой—чортъ ее видѣлъ. Какъ-то надо было къ ямѣ канатъ. Я иду на складъ, беру съ полки канатъ и какъ-то неосторожно зацѣпилъ рукавомъ эту бутылъ. Она и перевернулась. Ой, какъ я перепугался! Схватилъ бутылъ голой рукой—смотрю, два пальца обжегъ! Но пока я успѣлъ ее поставить, пробка выскочила, и частица этой чортовой кислоты, можетъ двѣтри капли, брызнули на канатъ. Я поднял пробку, заткнулъ бутылъ и поставилъ въ уголъ. Пальцы горять, какъ огонь. Я сейчасъ обложилъ ихъ мокрой глиной, завязалъ платкомъ. Выношу канатъ на дворъ, смотрю, а въ томъ мѣстѣ, гдѣ брызнула кислота, она мой канатъ какъ ножомъ перерѣзала. Такъ-таки цѣлая петля и распалась у меня въ пальцахъ на два куска.

— Ай, ай!—вскрикнулъ Мендель.

— Чтобъ я такъ жилъ! Уже никому ничего и не говорю. Придется самому платить за канатъ, да и только.

Мендель чмокалъ и охалъ, выказывая Хаиму свое сочувствіе. Когда пришли въ Бориславъ, онъ нарочно зашелъ съ Хаимомъ на складъ, чтобы

посмотрѣть перерѣзанный сѣрной кислотой канатъ. Онъ долго присматривался къ нему, чмокалъ и качалъ головой, а когда Хаимъ на минуту отвернулся, онъ влилъ себѣ изъ бутылки въ маленькій пузырекъ нѣсколько капель сѣрной кислоты, немного, съ наперстокъ. Хаимъ этого не видѣлъ. Они вышли изъ склада, Хаимъ заперъ двери на замокъ, и оба пріятеля, пожелавъ другъ другу счастливаго шабаша, разошлись.

XIV.

Прошло еще около двухъ мѣсяцевъ. Вокругъ Борислава уже началась уборка хлѣба. Стоялъ лѣтній зной. Все время Иванъ жилъ, какъ въ горячкѣ. Съ каждымъ днемъ въ Бориславѣ ему становилось все тяжелѣе. Земля горѣла подъ нимъ. Его что-то душило, толкало, гнало прочь изъ Борислава. Онъ ни о чемъ не думалъ, какъ только о томъ, чтобы какъ можно скорѣе вырваться отсюда. Мысль о томъ, что ему нужно работать въ ямахъ еще до осени, а можетъ и до зимы, чтобы выплатить еврею всѣ деньги, наполняла его какимъ-то дикимъ страхомъ. „Нѣтъ, не выдержу!“ — повторялъ онъ не разъ и считалъ дни и часы. У него уже было сбережено новыхъ двѣсти гульденовъ; они лежали у кассира, и на Ильинъ день онъ думалъ взять ихъ, навѣдаться „домой“ и отдать еврею. Но чѣмъ ближе время приближалось къ Ильину дню, тѣмъ чаще останавливался онъ на другой мысли, хватался за нее, какъ утопающій за бревно. — „Сто гульденовъ уже заплачено, — думалъ онъ. — Двѣсти теперь заплачу — и брошу Бориславъ. Пойду и больше сюда не вернусь. Четвертую сотку на выплату еврею какъ-нибудь заработаю или займу, а здѣсь больше не останусь“. Эта мысль, впачалѣ неясная, какъ далекая мечта, постепенно облекалась въ его душѣ во все болѣе и болѣе опредѣленные формы. Онъ придумывалъ разные

способы: „Женюсь. Ужъ какъ бы она ни была бѣдна, а сотню она будетъ имѣть. А можетъ еще и земли получу немного“. То снова думалъ онъ купить пару лошадей и заняться извозомъ, или заняться въ экономію, или итти рубить дрова въ камеральномъ лѣсу. Гдѣ бы то ни было и какъ бы то ни было, лишь бы только заработать денегъ, выплатить еврею остатокъ и стать хозяиномъ — хоть бѣднымъ, хоть послѣднимъ, а все же самостоятельнымъ хозяиномъ, въ своей хатѣ, на своей пяди земли! Иванъ никому не повѣрялъ своихъ мыслей. Только за недѣлю передъ Ильинымъ днемъ онъ сказалъ вечеромъ кассиру:

— Слушайте, Мендель, сможете ли выплатить мнѣ черезъ недѣлю всѣ мои деньги?

— Почему нѣтъ? — сказалъ Мендель. — А что, хотите отослать?

— Нѣтъ, хочу на Ильинъ день самъ пойти.

— Зачѣмъ вамъ самому ходить? можно выслать.

— Какъ-то тянетъ посмотрѣть свое село. Не знаю, можетъ, и совсѣмъ останусь тамъ.

— Какъ, хотите насъ покинуть?

— Хотѣлъ бы, да не знаю... Если бы тамъ гдѣ-нибудь нашелся какой заработокъ, чтобы выплатить тому еврею...

— Ну, какъ знаете, — сказалъ Мендель, прерывая разговоръ. — Я въ пятницу выплачу вамъ деньги. Когда у васъ Ильинъ день?

— Въ воскресенье.

— Ну и хорошо. Въ субботу послѣ работы можете итти.

На томъ и покончили. Больше разговора объ этомъ дѣлѣ между Иваномъ и Менделемъ не было.

XV.

Въ пятницу вечеромъ Иванъ долженъ былъ работать въ ночной смѣнѣ. Это должно было быть

его послѣднее пребываніе подѣ землей, въ царствѣ тьмы. У него было легко, радостно на душѣ, но одинъ неожиданный случай испортилъ его радость.

Выпивъ немного водки и закусывая булкой, онъ шелъ какъ разъ къ вышкѣ, когда къ нему приблизилась старуха Арина, та самая, что когда-то первая принесла ему вѣсть о томъ, что Фрузи нѣтъ. Она шла, какъ бы крадучись, а когда Иванъ не узналъ ея, она протянула сзади свою сухую, черную руку и схватила его за плечо.

— Кто это? — встрепнулся Иванъ, шедшій въ задумчивости и теперь какъ будто пробудившійся отъ сна. Оглядывшись, онъ увидѣлъ противъ себя страшное, желтое, сморщенное лицо старухи, которая какъ-то холодно ему усмѣхалась, широко растянувъ синія губы и обнаживъ беззубыя десна. Иванъ перекрестился. Первая невольная мысль его была: „Это смерть заглядываетъ мнѣ въ глаза“. И его охватила холодный, суетѣрный ужасъ.

— О, ты крестишься! — накинулась старуха, и усмѣшка исчезла съ ея лица, а вмѣсто нея появилось на немъ какое-то мрачное, гнѣвное выраженіе.

— Что это, я привидѣніе какое, что ли? Не крещеная душа, что ли? Ну, посмотрите на него! Открещивается, какъ отъ нечистаго! Будто никогда и не видѣлъ меня!

Иванъ узналъ старуху и началъ извиняться.

— Ахъ, простите! Я не узналъ васъ. Иду, задумавшись, а тутъ вы вдругъ... И хоть бы слово сказали...

— Ага! Вотъ видишь! А нѣтъ, чтобы самому на старуху окомъ вскинуть, да поклониться, да рюмку водки купить старухѣ, — гдѣ тебѣ! Пусть издыхаетъ старуха, если сама не имѣетъ на что купить себѣ.

— Ну, ну, вѣдь еще не издыхаете! — сказала Иванъ, усмѣхнувшись. — Ну, а вы, кажется, имѣли ко мнѣ какое-то дѣло?

— Да, имѣю, паренекъ, имѣю! Да и не дѣло, а такъ... Не знаю, какъ это тебѣ сказать. Но, думаю, ты съ ней изъ одного села, такъ тебѣ можетъ лучше всего это знать.

— Изъ одного села — съ кѣмъ?

— Да съ Ганкой. Знаешь, я ночую у Ганки. А теперь она совсѣмъ расхворалась, такъ ужъ я возлѣ нея днюю и ночую.

— Расхворалась? Что жъ такое съ ней?

— А я развѣ знаю, сыночекъ? Сначала я думала, не женская ли это какая болѣзнь, такъ вѣтъ жъ. Это что-то другое. Я и сама не знаю, что это такое, показаніе какое-то.

— Что за покаяніе? Кричить по ночамъ?

— Э, теперь уже кричить не только по ночамъ, а и днемъ. Чуть только заснетъ немного, представляется ей что-то, какъ крикнетъ, ушамъ больно. И сейчасъ срывается съ постели, куда-то бѣжитъ, прячется, просто на стѣны лѣзетъ. Я уже думала, что это нечистый — съ нами крестная сила — привязался къ дѣвкѣ.

— Ну, и не пробовали вы чѣмъ-нибудь лѣчить ее?

— Какъ же не пробовала! Пробовала, сыночекъ. Все, что знаю, все я дѣлала ей, да ничего не помогаетъ. Ну, да и не могло помочь, потому что у нея что-то совсѣмъ другое на умѣ. Я-то съ самаго начала догадывалась, только, по правдѣ говоря, я другое имѣла на умѣ. Думаю себѣ: дѣвка — въ Бориславѣ это самая обыкновенная вещь — имѣла ребенка и погубила, а теперь дѣтская душа во снѣ ей является, покоя не даетъ. Она божилась, клялась тѣломъ и душою, что нѣтъ. Ну, такъ я уже не знала, что и думать. Пробовала я не разъ ночью прислушиваться, что такое она кричитъ, да ничего не разберешь. Поймешь вотъ такъ слово-дру-

гое: „Вонъ тамъ, въ ямѣ! Въ водѣ! Въ лужѣ! Лѣзетъ, лѣзетъ, лѣзетъ!“—А кто, гдѣ, откуда—ничего не понять. Я уже допрашивала ее—упрямая душа! Ничего не хочетъ сказать! Высохла, какъ щепка, почернѣла, какъ головня, только съ наперстокъ духу въ ней—а зимой еще какая дѣвка была, какъ пушка! И сама видитъ, что недолго ей жить, что никакого толка не будетъ, а молчать.

— Такъ вы думаете, что у нея дѣйствительно что-нибудь такое есть на душѣ, что она что-то скрываетъ?

— Ну, думаю! Теперь уже нечего мнѣ гадать, теперь уже знаю навѣрное.

— Ну, что жъ вы знаете?

— Да что, парень, это она убила твою Фрузю!

— Фрузю! Она! Господи! Да когда? Какъ? За что?

— А скажи, за что! Не иначе, какъ чортъ попуталъ. Ужъ онъ, чтобъ ему пусто было, видно, давно зубы на нее наострилъ. Слушай же, какъ это было.

Старуха шла по улицѣ рядомъ съ Иваномъ, но тутъ уже не могла поспѣть за нимъ и, схвативъ его рукою за полу, остановилась.

— Да постой же! Видишь, задыхаюсь. Не топись на работу! Немного потеряешь. Стань вотъ тутъ и выслушай.

— Мнѣ на работу пора. Слышите, на вышкахъ уже звонять на ночную смѣну.

— Наплюй ты на ту ночную смѣну! Не ходи сегодня на работу, а пойдемъ со мной къ Ганкѣ. Здѣсь дѣло поважнѣе.

Иванъ съ минуту колебался.

— Нѣтъ! Теперь ужъ поздній вечеръ. Зачѣмъ мнѣ къ Ганкѣ? А завтра, какъ только кончится работа, я приду и посоветуемся, что дѣлать дальше. Ну, а скажите же, какъ и что вы отъ нея узнали?

— Да что,—сказала старуха,—вчерашней ночью она ни на минутку не могла заснуть. Мучилась такъ, что не дай Господи. А сегодня утромъ смотрю на нее, лежитъ, какъ съ креста снятая, только глаза свѣтятся.

— Ганка,—говорю ей,—можетъ, попа къ тебѣ позвать?

Она даже подскочила, будто ее укусило что.

— Попа? Зачѣмъ?

— Да зачѣмъ, голубка! Вѣдь сама же видишь, что недолго тебѣ по свѣту гулять. Надо душу очистить.

— Нѣтъ, не хочу,—сказала она. Мнѣ лучше будетъ, я выздоровѣю.

— Эй, дѣвонька, съ Богомъ не шути! Не говори такъ и не обманывай себя. Я вижу, что тебѣ уже недолго жить на свѣтѣ. Пойду, позову батюшку.

— Нѣтъ, не надо,—отвѣтила она.—Когда надо будетъ, я сама скажу. Не выходите никуда, я немного засну.

Только что она задремала, вдругъ какъ крикнетъ, какъ кинется!

— Ой, лѣзетъ, лѣзетъ. Ой, протягиваетъ руку! Ой, ловить меня! Держить! Не пускаетъ! Ой, ой, ой! Спасите! Бабушка, спасите!

И кинулась съ постели, уцѣпилась за меня, вся дрожить, какъ осинový листъ, и все оглядывается назадъ и кричить, визжить, какъ перепуганный ребенокъ.

— Да Духъ Святой съ тобою!—говорю ей и крещу,—кто тамъ лѣзетъ? кто тебя держить?

— Да она, она! Развѣ не видите? Смотрите, мясо совсѣмъ обгнило на рукѣ, одна кость, а держить, какъ клещами!

— Богъ съ тобой, Ганка! Что тебѣ? Кого ты видишь?

— Да она, Фрузька!

— Какая Фрузька?

Но она уже заупрямилась. Дрожитъ вся, прижимается ко мнѣ, но слова изъ нея больше не вытянешь. Кой-какъ я ее успокоила, уложила въ постель, развлекаю, разговариваю, а тутъ въ головѣ у меня какъ бы нитки какія начинаютъ сноваться, начинается мнѣ все уясняться. Я уже ей уговариваю и такъ и сякъ. Сварила ей немного мяса, накормила. Лежитъ она и меня не отпускаетъ отъ себя.

— Посидите! Не бросайте меня! Боюсь, чтобы я не заснула, боюсь, что, какъ только засну, она опять будетъ здѣсь.

— Да почему она для тебя такая страшная?— спрашиваю. — Что она можетъ тебѣ сдѣлать?

— Ой, бабуня! Ой, голубушка! Если бы вы знали, какая она страшная! Вся кровь во мнѣ леденеетъ. Не могу смотрѣть на нее, а должна. Какъ будто что приковываетъ къ ней мои глаза.

— Значитъ, она у тебя на душѣ, Ганка?

Молчить.

— Признайся, дѣвонька!—говорю строго.—Видишь, ты думала, что все утаишь. И что тебѣ отъ того, что предъ людьми утаишь. Богъ-то все знаетъ. Видишь, Онъ коснулся тебя своимъ перстомъ, и что теперь съ тобой? Да вѣдь если бы тебя на висѣлицу вздернули, то и десятой части не было бы той муки, какую перетерпѣла ты за это время.

Она слушала, слушала, а потомъ вдругъ какъ расплачется! Рыдала, какъ малое дитя.

— Ой, бабуня, ваша правда! Ой, я, окаянная! Ой, я, проклятая. Я ей вѣку убавила! Она ослабѣла, упала на мои руки, а я ее безпамятную кинула въ яму. Я думала, что никто не будетъ знать объ этомъ, что Иванъ возьметъ меня въ жены... Ой, бабуня, посовѣтуйте, что мнѣ дѣлать?

У Ивана морозъ пошелъ по кожѣ отъ этихъ старухинныхъ словъ. Онъ чувствовалъ себя разбитымъ. Въ его памяти живо встали происшествія

того вечера, разставаніе съ Фрузей, ночь, проведенная съ Ганкой въ каморкѣ, ея тогдашнее безпокойство. Онъ даже припомнилъ Ганкины слова, что она „боится ее“, и только теперь ему стало все ясно. Угнетенный тяжелыми чувствами, онъ вздыхалъ и безпрестанно шепталъ: „Боже, Боже!“

А старуха рассказывала дальше про Ганкины признанія, въ какомъ мѣстѣ она кинула Фрузю въ яму, какъ потомъ что-то гнало ее на то мѣсто затереть слѣды и какъ при этомъ чуть было не увидѣлъ ее кто-то изъ рабочихъ, какъ Фрузя начала преслѣдовать ее во снѣ, какъ онъ, Иванъ, сталъ ей немилымъ и ненавистнымъ.

— Ну, и что же она дѣлаетъ теперь? — прервалъ Иванъ рассказъ старухи.

— Заснула, выплакавшись. И уже не кидалась во снѣ, а спала спокойно. Я посидѣла возлѣ нея, а потомъ подумала, что хорошо будетъ все это рассказать тебѣ. Посовѣтуй мнѣ, что дѣлать дальше?

Иванъ слушалъ, какъ остолбенѣлый. Внутри у него что-то переворачивалось, что-то рвалось, что-то кричало, не то жалость, не то тяжелые упреки, не то сознаніе какой то вины.

— А развѣ я знаю, что дѣлать, — проговорилъ онъ глухо. — Надо бы дать знать кому-нибудь. Вѣдь это же ужасно!

— Такъ, можетъ быть, пойти къ войту ¹⁾?

— Пойдите, пойдите! — сказалъ поспѣшно Иванъ, хватаясь за слова старухи.

— Да, можетъ, ты бы пошелъ со мной? Я чего-то боюсь.

— А зачѣмъ же мнѣ итти съ вами? еще на меня подозрѣніе упадетъ. Нѣтъ, идите сами! Я навѣдаюсь завтра, какъ только выйду съ работы. Идите, идите!

Старуха ничего больше не сказала, перекрестилась и ушла.

¹⁾ Войтъ — старшина.

XVI.

Приближаясь къ вышкѣ, подъ которой онъ работалъ, Иванъ встрѣтилъ кассира Менделя. Онъ куда-то шелъ, разговаривая съ незнакомымъ рабочимъ изъ-подъ чужой вышки.

— Добрый вечеръ, Иванъ!—сказалъ Мендель.— Идете на работу?

— Иду,—сказалъ Иванъ, съ трудомъ соображая, какъ и что говорить ему.

— А завтра уходите?

— Ухожу.

— Ну, ну, какъ знаете. Деньги можете получить.

Иванъ, ничего больше не говоря, пошелъ къ вышкѣ. Мендель продолжалъ разговаривать съ рабочимъ, который съ завтрашняго дня долженъ былъ стать на работу въ той самой ямѣ на мѣсто Ивана.

— Здѣсь вамъ будетъ хорошо!—говорилъ Мендель.— Я не такой еврей, чтобы хотѣлъ чьей-либо несправды. Спросите вотъ этого самаго Ивана. Онъ даже нѣсколько разъ денегъ не бралъ у меня при выплатахъ, а откладывалъ, пока не соберется до 50 или до 100 гульденовъ, а потомъ забиралъ всѣ разомъ. Вѣдь онъ завтра уходитъ. Знаете куда? На свое собственное хозяйство!

— На свое собственное?—удивлялся рабочій.— Да гдѣ у него хозяйство? Давно все спустил!

— Давно спустилъ, а теперь выкупилъ. Только вчера еще взялъ сотню, чтобы выплатить еврею послѣднюю часть, а завтра возвращается въ свое родное село, навсегда покидаетъ насъ. А кто ему это посовѣтовалъ? Спросите его самого. Мендель, не кто иной!

Въ этотъ моментъ съ вышки послышался крикъ, потомъ шумъ шаговъ. Рабочій, бывшій при борбѣ, бѣжалъ по улицѣ и кричалъ, задыхаясь:

— Пане кассиръ! Пане кассиръ!

— Что тамъ такое?—отозвался Мендель.

— Идите къ вышкѣ! Скорѣе, скорѣе!

— Да что тамъ такое?—еле выговорилъ Мендель и, не дождавшись отвѣта, побѣжалъ къ вышкѣ. Только что нанятый рабочій поспѣшилъ за нимъ.

— Ну, что случилось?—не то шопотомъ, не то хриплымъ голосомъ спросилъ Мендель у рабочего, когда поровнялся съ нимъ.

— Какое-то несчастье!

— Что за несчастье?

— Ой, самъ не знаю! Идите къ вышкѣ, сами посмотрите! Ой, Господи, души во мнѣ нѣту! Ничего подобнаго еще не слыхалъ и не видалъ!

Не спрашивая больше, всѣ трое побѣжали къ вышкѣ. Тамъ было совсѣмъ темно, только одна проволочная лампа слабо освѣщала середину досчаной будки. Рабочій при млынѣ¹⁾ стоялъ надъ ямой и дергалъ канатъ, совсѣмъ свободно свисавшій съ вала.

— Ну, что такое случилось? Говори?—сказалъ Мендель, озираясь вокругъ, какъ бы ища того, что такъ напугало рабочихъ.

— Канатъ разорвался.

— Что? Какъ это возможно?

— Не знаю? Смотрите сами.

Рабочій, стоявшій надъ ямой, снова подергалъ за канатъ, помахалъ имъ и онъ, какъ плеть, бился о дощаныя стѣны ямы.

— Ну, а Иванъ? Гдѣ Иванъ?

— Въ ямѣ.

— Какъ въ ямѣ? Спустился на мѣсто?

— Ужъ вѣрно, что на мѣсто, только не живой. Видите, канатъ распустился на десять метровъ.

— Да какъ же это произошло? Что? Куда? Го-

---

¹⁾ Млынокъ—вентиляторъ.

вори по порядку!—торопилъ Мендель, все не понимая, что случилось.

— Ой, Господи! Да развѣ я знаю и понимаю, какъ это случилось? Иванъ пришелъ, привязался и я началъ спускать его внизъ. Кручу, кручу, какъ вдругъ на десятомъ метрѣ слышу — вотъ такъ, какъ бы въ пальцѣ—тресъ, и на корбѣ стало легко. И въ ту же минуту въ ямѣ только гурь-гурь-гурь! И одинъ страшный крикъ — и тихо. Вотъ и все. Оборвался канатъ, а Иванъ загремѣлъ прямо на дно, на 40 сажень.

Мендель, ничего не говоря, началъ рвать на себѣ пейсы и бѣгать подъ вышкой, какъ сумасшедшій.

— Ай-вай! Ай-вай! Вотъ хлопоты! Вотъ несчастье! Вотъ пурецъ! Но ша! Можетъ, онъ еще живъ! Слушайте, Митруня,—онъ обернулся къ новонаянтому рабочему, — какъ думаете, можетъ, онъ еще живъ?

— Да, это возможно. Вѣдь на днѣ нѣтъ камней?

— Нѣтъ, глина!

— Ну, если не упалъ на кирку или по дорогѣ не разбилъ себѣ головы, то, можетъ-быть, и живъ еще.

— Но слышны были бы крикъ, стоны,—замѣтилъ рабочій при корбѣ.

— Могъ впасть въ безпамятство, — сказалъ Дмитрій.

— Лѣзьте, Митруня! Дай вамъ Богъ здоровья! Лѣзьте, можетъ, еще спасете его.

— Да я бы полѣзъ,—сказалъ Дмитрій,—но что жъ это у васъ за канатъ, что оборвался подъ нимъ?

Онъ подошелъ къ ямѣ, взялъ канатъ, конецъ котораго свисалъ на два метра внизъ въ яму, поднялъ его и началъ разсматривать при свѣтѣ лампы. Это былъ старый рабочій и хорошо понималъ въ этой работѣ, но тутъ онъ сталъ, какъ теленокъ передъ новыми воротами. Такой штуки онъ еще не видалъ! Онъ долго осматривалъ ка-

нать въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ перервался, шупальцами, подносили его къ свѣту и все качали головой, будто не могъ чего-то понять. Мендель, весь блѣдный, съ помертвѣвшимъ сердцемъ, тревожными глазами слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ.

— Не пойму! Никакъ не пойму, что сдѣлалось съ этимъ канатомъ. Какъ могъ онъ перерваться?

— Можетъ заржавѣлъ?—несмѣло сказалъ Мендель.

— Да, должно-быть, такъ оно и есть, потому что, если бы онъ умышленно былъ перерѣзанъ, то было бы видно, былъ бы гладкій перерѣзъ. Должно-быть, заржавѣлъ.

— Ай-вай! Старый канатъ! Надо было перемѣнить. — посиѣшно подхватилъ Мендель. — Ой, Господи! Такъ меня сегодня утромъ какъ бы за плечо кто дернулъ: „Мендель, перемѣни этотъ канатъ!“ А потомъ я себѣ подумалъ: Ну, въ пятницу не буду мѣнять. Придетъ воскресенье, перемѣнимъ! А тутъ—на тебѣ! Ну, кто жъ его зналъ, что онъ не выдержитъ?

Но Дмитрій все еще осматривалъ канатъ и качалъ головою.

— Слушайте, Мендель! Этого не можетъ быть! Онъ какъ-то не спроста заржавѣлъ. Чортъ его перержавитъ. У меня въ селѣ оборигъ¹⁾ вотъ уже пять лѣтъ держится на такомъ канатѣ. И дождь его мочить, и снѣгъ на него падаетъ, и ржавѣть не такъ, какъ здѣсь, а однако до сихъ поръ держится. Да то жъ оборигъ, не то, что одинъ чело-вѣкъ.

— Ну, Митруня, вѣдь тамъ онъ виситъ себѣ спокойно, а тутъ день и ночь то скручивается, то раскручивается. А отъ этого и проволока разорвется.

---

¹⁾ Оборигъ — четыре столба съ навісомъ, куда складываютъ сѣно.

— Да, это правда,—подумавъ, сказалъ Митро.— Но онъ рвался бы понемногу, одинъ скрутокъ, другой, третій... А тутъ всё сразу. Не гладко, а такъ, какъ бы прости Господи—мышь перегрызла. Гляди-ко - съ! Сколько живу, еще не видалъ такого.

Тѣмъ временемъ Мендель привнесъ со склада новый канатъ, его накрутили на валъ, и Дмитрій, приготовившись къ спуску, полѣзъ въ яму. Черезъ какіе-нибудь полчаса вытянули ихъ обоихъ—Митра и Ивана. У Ивана были сломаны обѣ ноги и разбита о срубъ голова. Вѣроятно, онъ и не долетѣлъ до дна живымъ.

XVII.

На другой день на разсвѣтѣ Бориславскій войтъ—тогда еще войтомъ былъ крестьянинъ—съ понятыми и двумя жандармами пришли къ той каморкѣ, гдѣ жила Ганка. Она еще спала,—послѣ долгихъ бессонныхъ дней и ночей, въ первый разъ спала глубокимъ, почти мертвымъ сномъ. Старуха открыла дверь, всё вошли, но, взглянувъ на помертвѣлое, высохшее Ганкино лицо, истощенное страшной внутренней мукой, не отваживались будить ее.

— Ну, ну, пускай спитъ,—тихо сказалъ войтъ.— Мы подождемъ во дворѣ.

— Ну, съ нея нечего взыскивать людямъ,—сказалъ одинъ жандармъ.

— Богъ не ждалъ людского суда. Самъ осудилъ и самъ покаралъ ее,—добавилъ другой.

Лишь только они вышли, Ганка проснулась.

— Вы здѣсь, бабушка?—спросила она.

— Здѣсь, голубушка, здѣсь.

— Или мнѣ снилось, или тутъ въ самомъ дѣлѣ былъ кто-то?

— Да кто бы могъ быть?

— Мнѣ казалось, что люди какіе-то... жандармы...

— Да, были, сирота.

— За мной?—спросила Ганка, подымаясь.

— За тобой.

— Все знают?

— Знаютъ.

Ганка долгимъ взглядомъ посмотрѣла на старуху, а потомъ протянула свою сухую руку.

— Спасибо вамъ, бабушка,—сказала она.— Я уже сто разъ—не одинъ—хотѣла собраться, пойти и признаться во всемъ, но никакъ не могла рѣшиться. А теперь уже все кончено. Теперь я спокойна.

И она съ большимъ усиліемъ поднялась съ постели. Старуха помогла ей одѣться.

— Ну, а теперь позовите ихъ.

Вошелъ войти съ понятымъ, вошли жандармы.

— Ну, что съ тобой, бѣдняжка?—спросилъ войти.— Больна?

— Больна.

— Имѣешь намъ что сказать?

— Имѣю.

И она спокойно рассказала происшествія того вечера. Одинъ жандармъ записывалъ. Потомъ ее повели на мѣсто преступленія. Крюками вытащили по кускамъ изгнившее тѣло несчастной Фрузи и перенесли его въ мертвецкую, а Ганку посадили на возъ и отвезли въ Дрогобычъ, въ слѣдственную тюрьму. Тамъ она не дождалась даже перваго протокола.

А жандарма послѣ этого дѣла ждало сейчасъ же другое. Имъ донесли, что подъ ближней вышкой оборвался канатъ съ рабочимъ, послѣдній упалъ въ яму и убится. Надо было осмотрѣть мѣсто, осмотрѣть трупъ, выслушать свидѣтелей...

— Что-то мнѣ не нравится этотъ случай,—сказалъ одинъ жандармъ—молодой—старшему.

— Еврейская неосторожность. Канатъ заржавѣлъ.

— Нѣтъ ли здѣсь чего худшаго? То, что говорилъ Дмитрій о тѣхъ деньгахъ...

— Такъ что жъ, думаешь, что здѣсь какое-то преступленіе? Что это умышленно кто-то перервалъ канать?

— Весьма возможно. Эти деньги могутъ быть причиной. Кассиръ говорить, что онъ взялъ у него деньги, а ихъ нѣтъ при немъ.

— Поищемъ въ его квартирѣ.

Но въ квартирѣ, то-есть въ томъ трактирѣ, гдѣ ночевалъ Иванъ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими рабочими, никто ни про какія деньги не зналъ и не слышалъ. Изъ разспросовъ жандармы узнали, что раньше когда-то у Ивана украли деньги и съ тѣхъ поръ онъ не носилъ ихъ при себѣ, а пряталъ такъ, чтобы никто не зналъ, гдѣ. Съ другой стороны показаніе Менделя относительно того, что Иванъ посылалъ деньги за купленную землю нотариусу въ Дрогобычъ, подтвердилъ нотариусъ телеграммой, а другое показаніе, что остальные 100 гульденовъ Иванъ взялъ за день передъ тѣмъ, подтвердилъ Дмитрій, заявивъ, что слышалъ, какъ Мендель сказалъ Ивану: „Деньги можете получить“, а Иванъ кивнулъ на это головой. Значить, забравъ деньги, Иванъ, должно-быть спряталъ ихъ гдѣ-то, чтобы забрать съ собой. А если это было такъ, то какая же могла быть цѣль у кого-нибудь покушаться на его жизнь?

На этомъ дѣло и покончилось, только Менделя за недосмотръ и употребленіе заржавленнаго каната оштрафовали на 20 гульденовъ.

Ивана похоронили въ одной могилѣ съ останками его Фрузи.

Универсальная бібліотека—Цѣна номера 10 коп.

Обознач. * пьесы разрѣшены драмат. ценз. нѣ представ. безусловно

- 201-202. Гамсунъ. Съеста.
  203. Гамсунъ. Драма жизни.
  204. Д'Аннунціо. Слава.* [Грея.
  - 205-7. Уайльдъ. Портретъ Доріана
  208. Килландъ. Маленькія новеллы.
  - 209-11. Бангъ. Безнадежнопогибающіе.
  212. Прево. Мѣщаночка.
  - 213-214. Ибсенъ. Борцы за престолъ.
  215. Гамсунъ. Царица Тамара.
  216. Ибсенъ. Союзъ молодежи.
  - 217-8. Вассерманъ. Сестры. [томатъ.
  219. Гофманъ. Дождь и Догаресса. Ав-
  220. Гейбергъ. Балконъ. Тетя Ульрикка.
  - 221-223. Бурже. Ученикъ.
  224. Т. Манъ. Тристанъ. Тоніо Крегеръ.
  225. Д'Аннунціо. Дѣвственницы.
  - 226-229. Пшибышевскій. День Суда.
  230. Бангъ. Избранныя новеллы.
  231. Грубинскій. Бунтъ и др. разск.
  232. Ванъ Лербергъ. Панъ.
  233. Шницлеръ. Графиня Мицци.*
  - 234-235. Красинскій. Иридіонъ.
  236. Зудерманъ. Огни Ивановой ночи.*
  237. Гольдони. Хозяйка гостиницы.*
  238. Крагъ. Ночныя тѣни.
  239. Іонасъ Ли. Троль.
  240. Шиллеръ. Марія Стюартъ.
  241. Метерлинкъ. Синяя птица.*
  - 242-245. Войничъ. Оводъ.
  246. Зудерманъ. Родина.*
  247. Пшибышевскій. Надъ моремъ.
  248. Луисъ. Человѣкъ въ пурпурѣ и др.
  249. Гауптманъ. Стрѣлочникъ Тиль.
  250. Шоу. Цезарь и Клеопатра.
  - 251-253. Келлерманъ. Ингеборгъ.
  254. Пшибышевскій. Синагога Сатаны.
  - 255-258. Гамсунъ. Мистеріи.
  - 259-260. Мирбо. Очагъ.*
  261. Поленцъ. Деревенскіе рассказы.
  - 262-265. Тетмайеръ. Ангелъ смерти.
  - 266-267. Жулавскій. Эросъ и Психея.
  268. Гурмонъ. Цвѣта.
  269. Лесвертинъ. Рококо [рассказы.
  270. Эркманъ-Шатріанъ. Рейнскіе
  - 271-4. Лагерлѣфъ. Чудеса Антихриста.
  275. Лагерлѣфъ. Легенды.
  - 276-277. Нѣмоевскій. Письма ненор-
281. Д'Аннунціо. Перевозчикъ и др.
  - 282-285. Уэллсъ. Война въ воздухѣ
  286. Батайлъ. Дѣва неразумная.*
  - 287-290. Д'Аннунціо. Наслажденіе.
  291. Г. Манъ. Злые.
  - 292-3. Лагерлѣфъ. Легенды о Христѣ
  294. Твэнъ. Жизнь на Миссиссиппи.
  295. Уайльдъ. Женщина, о которой говорить не стоитъ.*
  - 296-297. Жулавскій. Іюла.
  298. Тетмайеръ. Орлицы.
  299. Прево. Женскія письма. [рѣзк
  300. Уайльдъ. Какъ важно быть се
  - 301-2. Гамсунъ. Въ сказочной странѣ
  303. Гауптманъ. Бобровая шуба.
  - 304-5. Лоти. Матросъ.
  306. Ленгилъ. Тайфунъ. [хэлл
  307. Лагерлѣфъ. Королевы въ Кунга
  - 308-9. Стендаль. Ченчи и др. разск.
  310. Стриндбергъ. Любовь и хлѣбъ.
  - 311-13. Стриндбергъ. На шхерахъ.
  314. Д'Аннунціо. Дѣвственная земля
  315. Ибаньесъ. Двойной выстрѣлъ.
  - 316-18. Г. Манъ. Діана.
  319. Т. Манъ. Фіоренца.
  320. Винниченко. Купля и др. разск.
  - 321-323. Реймонтъ. Мужики (Осень).
  324. Бьернсонъ. Когда цвѣтеть ново
  325. Прево. Замужество Жульенны.
  326. Бэкъ. Парижанка.* [го
  - 327-9. Тетмайеръ. Марина изъ Груба
  330. Уайльдъ. Счастливый принцъ.
  331. Твэнъ. Похищеніе бѣлаго слона.
  - 332-5. Д'Аннунціо. Торжество смерти
  336. Гординъ. Миреле Эфросъ.
  337. Шоу. Ученикъ дьявола.
  338. Гауптманъ. Ганнеле.
  339. Реймонтъ. Встрѣча и др. [локъ
  340. Уайльдъ. Домъ изъ гранат. яб
  - 341-344. Гамсунъ. Новъ.
  345. Михаэлисъ. Мамочка.
  - 346-348. Ренье. Первая страсть.
  349. Пшибышевскій. Пиръ жизни.
  350. Бомарше. Женитьба Фигаро.
  351. Мартовичъ. Войтъ и др. разск.
  - 352-4. Г. Манъ. Минерва.
  355. Сеттеръ. Дитя моря.

Обознач. * пьесы разрешены драмат

358. Гординъ. Сатана.
 359-60. Джеромъ. Трое въ одной лодкѣ.
 361-2. Гамсунъ. Въ когтяхъ у жизни.*
 363. Прево. Женщины.
 364. Гейбергъ. Главный выигрышъ.
 365. Джекобсъ. Бенефисъ и др.
 366-369. Реймонтъ. Мужики (Зима).
 370. Тетмайеръ. Къ небу и др. разск.
 371. Нансенъ. Миниатюры.
 372. Джеромъ. Новая утопія и др.
 373-375. Г. Манъ. Венера.
 376. Моррисъ. Сонъ про Джона Болла.
 377. Ибаньесъ. Луна Бенаморъ.
 379. Чавчавадзе. Разбойникъ Габро.
 380-2. Тетмайеръ. Гибель.
 383. Шоу. Кандида.
 384-5. Стриндбергъ. Чандала.
 386. Гауптманъ. Шлюкъ и Яу.
 387-8. Уэллсъ. Машина времени.
 389-90. «Изъ одного русла» сборникъ.
 Т. П. Съ предисл. Э. Ожешко.
 391. Папазянъ. Капли крови. и др.

- 392-3. Джеромъ. Дневникъ паломн
 395-6. Келлерманъ. Море.
 397. Гауптманъ. Бѣдный Гейрихъ
 398-400. Гамсунъ. Бенони.
 402-5. Бангъ. Безъ родины.
 406. Кобылянская. Аристократка
 407-9. Якобсенъ. Марія Груббе.
 410. Келлеръ. Семь легендъ.
 414. Реймонтъ. Мужики (Весна).
 415. Капуана. Любовь.
 416-18. Гамсунъ. Роза.
 419. Роветта. Его Превосходитель
 420-2. Якобсенъ. Нильсъ Люне.
 423. Франко. Къ свѣту и др.
 428. Д'Аннунціо. Графиня д'Амальс
 429-30. Гессе. Петеръ Каменциндт
 431. Лондонъ. Любимцы Мидаса
 432-3. Мюссе. Лорензаччіо.
 434. Твэнъ. Разговоръ съ интерв
 ромъ и др.
 435-8. Уэллсъ. Когда проснется Сп

Собранія сочиненій въ переплетахъ:

(коленкоровыхъ темно-зеленыхъ съ золотымъ тисненіемъ, по 15 за переплетъ).

- Кнутъ Гамсунъ.—5 томовъ ц. 3 р. 95 к.
 Ст. Пшибышевскій.—4 тома ц. 2 р. 90 к.
 Генрикъ Ибсенъ.—4 тома ц. 2 р. 80 к.
 Габріэле Д'Аннунціо.—3 тома ц. 2 р. 55 к.
 Артуръ Шницлеръ.—3 тома ц. 2 р. 55 к.
 Морисъ Метерлинь.—2 тома ц. 1 р. 30 к.
 Гергартъ Гауптманъ.—2 тома ц. 1. р. 60 к.

казы не менѣ, чѣмъ на одинъ рубль, исполняются I
 й Метерлинь (Метерлинь, 2 томъ 124 24) и др.

31.890

$\phi \frac{IV}{K-118}$

1161